Виталий Лозович

Тайси, или девушка из сна

Виталий Лозович
Тайси, или Девушка из сна

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8811337
Тайси, или девушка из сна. / Лозович Виталий: Десятая Муза; Саратов; 2014
ISBN 978-5-9905682-8-0

Аннотация

Группа фотографов отправляется в поездку для выполнения крупного заказа. Маленькое путешествие многое меняет в жизни каждого из них. Новые знакомые, места и вечное чувство – любовь.

Содержание

Знакомство 4
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Лозович Виталий
Тайси, или девушка из сна. История одной романтической поездки

Знакомство

«…она всё так же стояла, стройная и неподвижная, среди толпы, потом подняла свои маленькие руки и прикоснулась ими к губам, и я почувствовал, как она целует меня через полосу воды, через людские головы…
Богомил Райнов «Моя незнакомка»

Виталий Романов жил за полярным кругом, на Крайнем Севере России и в свои двадцать девять лет зарабатывал на жизнь тем, что фотографировал свадьбы в местном ЗАГСе города Северска. Еженедельно, в пятницу и субботу, Виталий снимал счастливые мордашки бракосочетающихся, улыбки, росписи, невеста в цветах, невеста на руках, жених с поздравлениями друзей, поцелуи родственников, ресторанная пьянка и т. д. Работу эту Виталий получил после того, как в городе закрылась коммерческая газета, что разно-

силась по почтовым ящикам жителей Северска бесплатно, и где он трудился фотокорреспондентом. Содержали газету местные «толстенькие» коммерсанты для рекламы своих изделий и услуг. Закрылась газета быстро и тихо. Романов остался без работы. Посидел на «бирже» пару месяцев, поголодал немного, задолжал по оплате квартиры… но здесь, совсем неожиданно, освободилось место в одном «ООО» – место было фотографа в ЗАГСе. Ему позвонил учредитель этого ООО «Праздник сердца» и предложил поработать на свадьбах. Место фотографа на свадьбах всегда считалось «тёплым» среди работников объектива, поэтому Романов принял это предложение как подарок судьбы. Теперь, уже второй год, каждый выходной он снимал белые пышные платья, тёмные строгие костюмы и вереницы пёстрой одежды, идущие следом.

Однажды совсем внезапно за полярный круг пришла осень – первое сентября. Тундру вокруг города Северска тронул первый багрянец, первая желтизна. Небо стало чаще затягивать мрачными тучами, из которых на город лил нескончаемый, холодный, осенний дождь. Виталий особенно не расстраивался – с первого сентября у него был отпуск, провести который он хотел скромно где-нибудь в благословенной Белоруссии, у родной матери в кооперативе. Там лето будет ещё целый месяц, а то и больше. За второй год работы в ЗАГСе, Виталию настолько приелись свадьбы, настолько преелись все эти слезливые вздохи и восторженные возгласы

гостей, что сам он решил уже никогда не жениться, по крайней мере вот так, торжественно.

Последняя любимая девушка сбежала от него месяц назад, утащив с собой зачем-то его ноутбук… Отчего сбежала, он понять не мог. Может оттого, что на её вопрос – может уже стоит увязать наши отношения как-то законным образом?.. Он сразу вспомнил свою работу, пышные, белые платья, слезливые вздохи… и ответил – ты что, с ума сошла? Девушка растворилась в городе. Романов её поискал, поискал, да и бросил это занятие. Ноутбук, конечно, было жаль.

Сегодня Романов проснулся от телефонного звонка. Звонили по городской линии. Звонили долго и настойчиво. По привычке, Виталий хотел мигом подняться и ответить, но потом вспомнил, что находится в отпуске и решил трубку не снимать. Полежал так с полминуты под переливчатый звонок аппарата, наконец решил, что с начальством ему говорить не о чем, значит мог звонить кто-то из знакомых друзей, а то и подруг, потянулся в кровати к журнальному столику и трубку снял. Перед тем как сказать слова приветствия, вспомнил свой сон, который и прервал звонок телефона, сказал сам себе удивлённо-восторженно:

– Однако, какую я девчонку видел?.. японка?. – он подумал, а телефон прозвонил ещё раз, – или китаёза? Нет, глаза не такие, как у китаянок, может, кореянка?

Наконец, он снял трубку и проклял всё на свете. Звонил его руководитель и хозяин предприятия. Валера, парень хо-

роший, но своё «дело» любит больше тех, кто в нём работает. Говорят, так и должно быть, однако его работников это не очень устраивало. Звонил Валера несколько осторожно, даже вкрадчиво.

– Виталий, привет, – сказал он тихим голосом, – я не очень рано?

– Не очень.

– Ты уже, наверное, собрался, на чемодане спал?

– Нет, – ответил он вяло, – спал на простыне, а чемодан рядом стоит, на нём билет…

– Я за тобой машину отправил… кое-что придётся переиграть.

– Ты мне достал путёвку? – как угадал он.

– Я тебе достал очень красивый заказ.

– Валера, я уже в отпуске… причём за два года. Год назад мы тоже переигрывали.

– Виталий, я тебя редко прошу, но сейчас очень прошу. Приезжай, я всё объясню. Машина, должно быть, уже под окнами.

Делать было нечего, надо было ехать. Другой работы в городе на сегодняшний день не предвиделось, а эту терять из-за своего упрямства – просто глупо. Оделся и поехал в офис.

Офис представлял собой обычную приёмную, где за компьютером сидела милая секретарша. Из приёмной вели две двери – одна в кабинет начальника-хозяина, другая в комнату, где изготовлялись фотографии, цифровые диски со сним-

ками и прочая продукция с торжества бракосочетания. Виталий с трудом понимал, для чего на такой крошечный коллектив ещё и секретарь, но хозяин Валера, как-то ему обронил: «Ну это известно мне, а этого уже достаточно».

Романов поздоровался с секретарём, та, в свою очередь, кивнула ему с улыбкой, развела руки и сжала плотно губы, как бы показав, что ему, увы, не повезло. Тут же сказала:

– Уже ждёт, весь задумчивый и серьёзный. Вчера тебя не было, ему звонил какой-то дядя, так он… так он после звонка очумелый ходил. Даже меня Машей назвал. Я похожа на Машу?

– Нет, – ответил Виталий, – на Машу ты не похожа, ты похожа на Клушу. Он один?

– Куда там! – заводила сразу глазами секретарь. – Там девица!

– Молодая?

– Увидишь. Только он возле неё вился как голубь сизокрылый… курлыкал… Я, Виталя, поняла так: или наша фирма закрывается, или наоборот, процветаем ещё больше. А может просто меня уволят, а вам увеличат зарплату. Суеты много.

Романов кивнул, неотрывно смотря на секретаршу, сказал ей:

– Так мне как входить к начальству – задом наперёд или нормально?

– Входи нормально, – посоветовала та, – даже нахально.

Тебя он ждёт больше всех сейчас.

Романов кивнул, подошёл к двери кабинета начальника, открыл и вошёл.

В кабинете у Валеры сидела незнакомая девушка, маленькая, аккуратненькая, в короткой юбке, летней рубашечке с короткими рукавами и таком же коротком жилете. На ногах были открытые босоножки на высоком тонком каблуке. Просто типаж какой-то для рекламной открытки. Единственное, что сразу привлекло Виталия, – это восточные глаза, большие, темные, на совершенно нормальном, обычном славянском лице. Ну, может, совсем немножечко широковаты были скулы? – Такой типаж переходного вида из Европы в Азию. Виталий, выросший в Средней Азии, от таких лиц, оторваться не мог. Девчонка словно сошла со страниц альбома японского календаря. Она сидела на кожаном диванчике, держа на коленях какой-то журнал и внимательно, тихо, без лишнего нахальства, разглядывала вошедшего Виталия. Тот глянул на неё коротко и нагловато, вмиг всё оценил и в душе даже завыл. Однако вовремя вспомнил свой отпуск. Девчонка неимоверно эффектно перекинула ногу на ногу, и Виталий увидел свой отпуск в несколько затуманенном виде. У фотографов называется – «вуаль пошла». Валера встал из-за своего стола, подошёл к Виталию, улыбаясь, как можно более приветливо, – первый признак, что «Ваше начальство в Вас нуждается», и, слегка волнуясь, попробовал их представить друг другу:

– Это наш фотограф… фотохудожник я бы сказал… Виталий. На него и вся надежда. А это…

Барышня молчала и с удовольствием разглядывала Виталия нисколько не смущаясь. Всё же лицо у неё было азиатское», – подумалось ему тут же. Однако тёмные глаза не утянуты в стороны и не заужены верхним веком, как это бывает у азиаток. Девушке было лет двадцать. Она продолжала рассматривать Виталия очень просто и очень пристально.

– А это, Виталий, в общем, твой начальник, – уже сокрушённо выложил Валерий.

– А тебя куда? – спросил сразу Виталий. – В следственный изолятор?

– Это он шутит у нас так, – пояснил Валера барышне, – он вообще весёлый, с юмором.

Голос Валеры утонул. Виталий ещё раз, украдкой, глянул на девчонку и не мог отделаться от мысли, что он уже где-то её видел. Где? Совсем недавно… на свадьбе? Нет. На улице? Тоже нет. Где же? И здесь он вспомнил, что он видел её сегодня… да, да – сегодня. Тогда. получается – во сне? Правильно, потому он и проснулся в таком хорошем настроении. Сам сон он не помнил, но состояние чего-то прекрасного и загадочный образ с ним после пробуждения остались. Он кивнул головой и спросил Валеру:

– Начальник мой теперь навсегда или на время?

Здесь барышня поднялась с диванчика – короткая юбка так и осталась короткой и рост был такой же маленький, до

«метр шестьдесят». Девчонка ему улыбнулась и про себя он сказал – всё, никаких отпусков, только на работу с новым начальством.

– Тайси, – протянула она ему руку, – а тебя как называть?

Виталий остановился, словно задумался, как-то сразу переходить на «ты» он не привык, однако удивления не показал и тут же, вместо ответа, спросил:

– Тайси, что за имя такое? Сокращённое?

– Сокращённое, – медленно моргнула она глазами, словно головой кивнула, – Анастасия полное.

– Странно, – поразмыслил Виталий, – от Анастасия – это Тася будет или Настя.

– Пусть будет, – согласилась она и моргнула опять, – а меня зовут Тайси. Запомнишь?

– Уже, – бодро ответил он, – тогда меня зовут Витасик. Годится?

– Хорошо, – спокойно произнесла она, провела ему своей маленькой ладошкой по груди и как похвалила, – большой какой! Ты – хороший, правда?..

Витасик едва не упал. Первый раз за много лет он не нашелся, что ответить девчонке. Школьную форму если надеть, так в общей «линейке» и не увидишь. И уже начальник? Неплохо.

– Ты, наверное, уже билеты взял? – спросил Валера очень понимающим голосом.

– Конечно, – повернулся он к нему, – и чемодан упаковал.

– Чемодан – это хорошо. Пригодится. Вы сегодня уезжаете, – сказал Валера уже приказным голосом.

– Романтическое путешествие вдвоём? – улыбнулся нахально Романов, поглядывая на девчонку.

– Вчетвером, – поправил Валера, – командировка у вас будет. Присаживайтесь.

Романов сел в кресло напротив дивана. Тайси, присев на диван, смотрела на него всё так же выразительно и несколько испытывающе. Смотрела, как сканировала.

– Дело вот в чём, – заходил взад-вперед между ними Валера, – поездка очень необычная, но очень необходимая нашей фирме. Тайси в курсе. Рассказываю тебе, Виталий. На меня посмотри, пожалуйста!

Здесь Валера явно занервничал, встал ровно между ними и, похоже не зная с чего начать объяснение, не очень уверенно сказал:

– Нам поступил заказ, от которого мы… наша фирма, просто не можем отказаться. Когда-то давно мы начинали бизнес с одним человеком. Он потом уехал, лет десять назад, в девяносто восьмом, но доля-то его осталась, естественно, и сегодня он хочет её продать. У него теперь бизнес на Чёрном море. Он и сам оттуда, с Кавказа… на родину потянуло. Теперь о деле.

Романов при этих словах голову немного вниз опустил и немного так в сторону наклонил, чтобы немного так девушку видеть, как она там на эту речь реагирует.

– Командировка у вас будет, – оборвал его мысли Валера, – на берег Чёрного моря. Прямиком в Абхазию.

Виталий замер. Вначале глаза поднял и внимательно посмотрел на Валеру, но тот не улыбался – значит, не шутил, тогда посмотрел на Тайси – она безразлично расглядывала очередной журнал и, казалось, совсем не удивлялась, вроде каждый день ездила в командировки на берега Чёрного моря. Особенно во времена, когда боевые действия там только что закончились.

– В Абхазии фотографы перевелись? – на всякий случай спросил Романов.

– Нет, – ответил Валера, – нам сделали выгодный заказ, и мы не можем от него отказаться. Так как я считаю тебя профессиональным фотографом, то посылаю в командировку именно тебя. Ещё с Вами будет Юрий Петрович Сидельников и какой-то мальчик, я не знаю, кто. Тайси назначена руководителем.

– Кто её назначил? – тут же поинтересовался Виталий.

– Я назначил, – жёстко ответил Валера.

– Она у нас работает?

– Этим вопросом я сейчас и занимаюсь.

– Как-то быстро всё меняется, – засомневался Виталий, – непонятно всё. Я так не люблю. Я, когда чего-то не понимаю, так и работать начинаю плохо.

– Это мы поправим, – успокоил его Валера, – ты едешь на один месяц, получаешь командировочные, и оплату за этот

месяц в… в тройном размере. Отпуск просто отодвигается.

Здесь он остановился и глянул на Романова. Тот кивнул головой, сказал положительно:

– Уже теплее.

– Проезд у тебя будет бесплатный в обе стороны, можешь на море остаться отдыхать. Годится так?

– Самолётом, поездом?

– Вначале поездом, потом теплоходом по Волге, там самолёт или поезд, на ваше усмотрение.

– А что так заковыристо?

– Это – командировка, в дороге работаете. Начальник твой новый тебе всё объяснит, – кивнул Валера на Тайси.

Здесь девчонка поднялась с дивана, глянула на Виталия оценивающе, несколько утомившись его расспросами, после предложила:

– Поехали со мной за билетами? Паспорт с собой?

Они вышли на улицу. День стоял пасмурный, хмурый. Город от этого выглядел серым, нерадостным. Народец, гулявший повсюду, тоже не ликовал и не сиял настроением, всё больше куда-то торопился, толкался и… огрызался.

Тайси предложила идти на автобусную остановку. Романову это понравилось, потому как, по её поведению, он уже подумал, что девчонка либо от него такси потребует, либо сама его закажет в назидание ему.

На остановке она повернулась к Виталию и спросила:

– Так ты точно едешь? Не передумаешь?

– Как я могу передумать? – удивился тот. – Мне ещё работать надо. Кроме этой шараги, и негде больше.

Тайси мимолётно глянула на Виталия при слове «шараги», тут же компромиссно предположила:

– В конце-концов за тройную оплату можно и отсрочить отпуск на месяц, согласись?

– Можно, – согласился он беспечно, – тем более я собирался ехать в Южную Африку, а там сейчас как раз весна начинается, так что в любом случае, до лета успею. Да и из Абхазии до Африки ближе. Ты сама откуда?

– Ниоткуда, – ответила она загадочно, незаметно хмыкнув на его трёп, – я сама по себе. Не спрашивай.

– А зачем нам Юрий Петрович и ещё какой-то мальчик? Зачем нам теплоход по Волге? И с чего ты взяла, что мы билеты купим? Все билеты раскуплены за месяц вперёд, бархатный сезон и…

– Не торопись, – оборвала его Тайси ровным голосом, остановившись и положив ему руку на грудь, – всё обговорено уже.

– Хорошо, – согласился он сразу, – тогда скажи, почему такая большая команда?

– Юрий Петрович, насколько я знаю, хороший фотопортретист? Он работатет в мэрии? Правильно?

– Правильно. В пресс-центре мэрии. Кстати, на пенсию собирался.

– Он в возрасте? – осторожно спросила Тайси.

– Ну-у, – протянул Виталий, – это с какой стороны посмотреть, но голова у Сидельникова седая, и взгляд мудрый.

– Вот заказчик и попросил, кроме профи-фотографа, отдельно хорошего портретиста. А мальчик этот, – Тайси на секунду задумалась, носик её чуть наморщился, она закусила нижнюю губу и нахмурила лоб, – мальчик этот, вроде как его ученик – сыночек чей-то. Юрий Петрович уходит на пенсию… уезжает из города куда-то в «среднюю полосу». Они и едут, как портретист-мэтр и его ученик. Мальчика зовут Андрей. Теперь главное. Сколько Валера должен этому кавказскому другу, я не знаю, но деньги там не маленькие. Он приезжал сюда летом, в гости, вспомнить старое время, заходил в наш городской «Выставочный зал», посмотрел фотовыставку и отметил там двух фотографов: тебя и Юрия Петровича. Потом сказал Валере, что если вы выполните все, что он хочет, – они в расчёте. Вот мы и едем его заказ исполнять. Он в молодости, до Северска ещё, работал одну навигацию матросом в Волжском пароходстве, я не знаю, где это. Хочет, чтоб ему сделали виды волжских берегов, городов, портреты матросов. У меня целый список есть. Работы много. В трёх городах надо ещё и виды архитектуры подснять. Сам теплоход обязательно… Глупо, наверное, но у богатых свои причуды. Я вообще так подумала, что он хочет у себя в доме, точнее, во дворце, устроить что-то наподобие галереи фоторабот. Оформить там лестницу или фойе какое? Будет принимать у себя гостей, тыкать пальцем в твои снимки и гово-

рить – вот на этом берегу я баржу водил, здесь мы на мель сели, а здесь нас сухогруз протаранил… это сейчас модно.

– Всегда модно было, – проронил разумно, тоном наставника, Виталий, – устраивать во дворцах галереи картин маслом и скульптур мраморных, чтоб искусством немного попахивало.

– Ты считаешь, фотография не может быть видом искусства? – иронично спросила она. – А потом, я думаю, картины и скульптуры он тоже закажет… или уже заказал. Одним – фотопанно, другим – картины, третьим – скульптуры.

– А почему этот дядя именно сейчас захотел виды городов, берегов и матросов?

– А он женится, – улыбнулась Тайси очаровательно, – это ему, как свадебный подарок, за который он ещё и платит. По пути снимаем, а уже там, в Абхазии будут всё печатать. Сказали, всё для этого имеется. Что хмуримся?

– Да так, – туманно произнёс Виталий, – у них там… недалеко… война была.

– Так это в Осетии, – удивилась она, – это же далеко от Абхазии?

– В Абхазии тоже немного аукнулось, да и потом Кавказ – такая страна, может повториться где угодно.

– Повторится в Абхазии, уедем домой, – как пообещала она и тут же очень пытливо глянула на него, – ты что – боишься ехать?

– Нет, – честно сказал он, – не боюсь. Просто не люб-

лю путаницы в работе. Сама посуди – поездом, рекой, самолётом… ещё как? Какие-то виды берегов, городов… Если он такой богатый, что он, не мог своих фотографов найти? Странно всё. Да ещё из Абхазии.

– Да ничего странного, – объяснила она тут же, – почему ты думаешь, что у него могут быть свои фотографы? И представь – приехал этот «мешок с деньгами» в Северск, походил, погулял, вспомнил старое, сходил в «Выставочный зал», приглянулось что-то, захотел себе и сразу, тут же Валере – помнишь должок?.. Либо деньги гони, либо вот так, как здесь хочу! И всё. У них это запросто. Заплатив нам всем тройную зарплату, Валера сэкономит в десять раз. Тем более никого искать не надо, все здесь, все готовы за хорошие деньги поработать – ты, я, Юрий Петрович и Андрей.

– Ты по образованию кто?

– Художник, – ответила она, вскинув на него глаза, – сейчас работаю дизайнером.

– Картины маслом пишешь?

– Пишу.

– Возьмёшь меня к себе краски разводить?

Тайси загадочно улыбнулась и ответила:

– Подумаю.

– Нет, – заупрямился он, – ты ответь, а то не поеду.

Она мотнула кокетливо головой, как делают девушки, удивляясь приятной им настойчивости кавалера, и ответила, как одарила:

– Ну хорошо… возьму тебя краски разводить.

Подошёл автобус, шедший на железнодорожный вокзал. В здании вокзала Тайси попросила чуть подождать её и скрылась за дверью с табличкой «Дежурный по вокзалу». Через полчаса билеты на всю группу до Москвы были у них на руках.

По дороге обратно в город, в автобусе, Тайси набрала по сотовому телефону два номера и дважды сказала:

– Сегодня в семь двадцать поезд. Вагон восьмой. Нет, это «спальный». Вот так нас ценят. Ждём. Аппаратуру не забудьте.

Когда разговоры закончились, Виталий спросил:

– Ты у них тоже начальник?

– Я руководитель группы, за всё и за всех отвечаю. Работать буду больше с тобой, – здесь Тайси вновь загадочно глянула ему в глаза и договорила таким же голосом, – виды берегов реки и виды городов – это моя стихия. Я больше пейзажист, нежели портретист.

– Понятно, – вздохнул Виталий то ли горестно, то ли с облегчением, – к Юрию Петровичу и Андрюшке лезть с советами не будешь. Так?

– Так, – согласилась она, – я вижу, что ты этому рад.

– Конечно. Хочешь ко мне зайдём домой?

– Зачем? – она удивилась и остановилась, но быстро увидела глаза Романова и ответила, – Мне ещё надо чемодан укладывать, я не собрана совсем. Вот моя карточка, – про-

тянула Тайси, – ближе к шести позвони мне.

И выпорхнула из автобуса. Виталий остался на площадке у дверей. Проводил её глазами, пока автобус не поехал дальше, потом глянул на карточку, почитал её пару раз и проворчал беззлобно:

– Карточки у них…

Ближе к шести часам вечера, Виталий позвонил Тайси. Они договорились встретиться на вокзале в зале ожидания. Вокзал в городе Северске небольшой, потому потеряться в зале ожидания, в триста с небольшим квадратных метрах, невозможно. Романов заказал такси, по дороге заехал в цветочный магазин и купил большую красную розу. Ему аккуратно завернули цветок в бумагу, и он бережно положил его в свою большую дорожную сумку, бутоном внутрь. Наружу остался торчать только хорошо спрятанный, упакованный черенок.

В зале ожидания он увидел скучающего Юрия Петровича, мужчину предпенсионного возраста, с лёгким животиком, седой головой и глубокими взглядом, а рядом с ним – худощавого, даже анемичного юношу, очевидно того самого «ученика». С Юрием Петровичем Романов был неплохо знаком, потому как регулярно встречался по своей работе то в ЗАГСе, где тот подхалтуривал, снимая своих знакомых и их друзей, то на городских фотовыставках и городских праздничных мероприятиях. Юрий Петрович познакомил его с Андреем, который, пожимая руку Романову, отче-

го-то смотрел в сторону, словно знакомство это доставляло ему невыносимую муку. Худой и бледный, с отсутствующим до театральности взглядом, Андрей едва слышно произнёс своё имя, после чего на Виталия так и не взглянул, а достал сотовый телефон и увлечённо стал набирать номер. Романов сощурил глаза, словно присматривался, потом выразительно глянул на Юрия Петровича: что, мол, это здесь такое? Сидельников пожал плечами.

– Где наш руководитель? – спросил Юрий Петрович. – Ты за неё ответственный!

– Почему я? – удивился Романов.

– Потому что мы с Андрюшкой её не знаем, а ты знаешь.

Романов крутанулся по сторонам и тут же сказал:

– А вон наш начальник! – и кивнул на девчонку в короткой юбке, только что вошедшую в здание вокзала.

Тайси вошла, таща за собой на колёсиках средних размеров чемодан, в другой руке у неё был тугой пластиковый пакет и на плече дамская сумочка. В дорогу она надела юбку ещё короче, чем утром, и все мужчины, находящиеся в зале, автоматически провели за ней глазами, головами и корпусами. Двое молодых людей чуть было уже не рванулись к девушке… помочь чемодан донести, но здесь Юрий Петрович присвистнул, вскинул руку вверх, щёлкнул пальцами и крикнул:

– Мы здесь! – и тут же тихо, для своих. – Боже мой!.. Хоть бы мужики по дороге не порвали! Разве так можно одевать-

ся?

Молодые люди остановились, глянув на эту тройку мужчин невдалеке. Тайси подошла, сказала всем: «Добрый вечер», – и сразу достала билеты на поезд. На плечах её была короткая, летняя курточка, а на ногах открытые босоножки на шпильке.

– Так, – глянула она в проездные документы, – Юрий Петрович – место семь… Ваш паспорт. Андрей Расин – место восемь… ваш пастпорт. Виталий… Вита-алий, – протянула она разглядывая два оставшихся билета, – место шесть…

– А у тебя какое? – спросил Романов тут же.

– У меня в этом же вагоне, не беспокойся, – уже голосом руководителя ответила она.

– Да я просто… – небрежно пояснил Виталий, – Надо же знать, с кем еду.

– Вагон «спальный», в каждом купе два места, – ответила Тайси легко, – много соседей у тебя не будет. Посадку объявили?

Этот вопрос она задала Юрию Петровичу, тот кивнул головой и взял свои сумки с аппаратурой и вещами. Андрей подхватил свои сумки, тут же одну забросил на плечо и схватил чемодан Тайси. Она без промедлений, очень спокойно, но властно забрала у него свой чемодан и произнесла уже с нотками холодными и жёсткими:

– Не надо. Я сама умею. Тем более, у меня там вещи хрупкие, могут разбиться.

– Хрусталь? – чуть ли не насмешливо спросил Андрей, отдавая ручку чемодана.

– Нижнее бельё, – внятно ответила Тайси ему в глаза, – одна просьба для всех – мы едем работать, а не отдыхать. Желательно этого не забывать.

– В каком плане? – не совсем её понял Юрий Петрович.

– В плане общей производственной собранности, – ответила Тайси отчётливо.

Никто ничего на это не сказал. Все подхватили свои сумки и пошли на перрон к поезду.

Пока шли к вагону с номером семь, все встречные мужчины посчитали своим долгом опустить глаза вниз и рассматривать аккуратные ноги Тайси, после чего провожали её до тех пор, пока фигура девушки уже не терялась среди отъезжающей и провожающей толпы.

Первым в вагон поднялся Андрей. Поднялся сразу, билет предъявил почти на ходу и вошёл без промедлений. За ним мужчины пропустили Тайси. Перрон в Северске низкий, подножка у вагона высокая, юбка у Тайси узкая… Романов, без слов, просто взял девчонку за талию и поставил прямо в тамбур. Тайси охнула легко и прилежно, как охают барышни стыдливые на внимание со стороны мужчин. Юрий Петрович тут же оглянулся на Виталия и подмигнул ему одним глазом, тихо сказал: «классика».

Романов вошёл последним. В проходе народа почти не было. Двери купе были открыты. Юрий Петрович прошёл в ку-

пе дальше, Виталий вошёл в своё, с местом номер шесть, и увидел там Тайси, уже сидящую на пятом месте за столиком.

– Не против? – хитровато спросила она.

Глаза Романова остановились на обнажённых коленках, потом он сказал:

– Не против.

– Я надеюсь, ты не храпишь, – сказала Тайси так, словно была в этом уверена.

– Нет, – Виталий поднял сиденье дивана и положил внутрь свою дорожную сумку.

– Как настроение?

Вопрос был задан в спину. Виталий, не торопясь, повернулся, сел на диван и ответил просто:

– Рабочее.

– Я же говорила, что ты хороший, – напомнила она ему, – а теперь я ещё знаю, что ты и сильный.

Виталий на это лишь незаметно головой мотнул.

– Что ты взял с собой почитать? – спросила Тайси невозмутимо. Романов здесь глазами остановился, но ответил, как само собой разумеющееся:

– Пособие для юного художника. Справочник по разведению красок.

Тайси хихикнула весело и искренне.

– Зачем тебе такое пособие?

– Надо же знать, как с тобой общаться. На каком языке и в каком формате.

– Со мной общаться очень просто, – похвасталась она, смотря на него довольно пристально и с интересом, – ты любишь футбол?

– Люблю, но не интересуюсь. Могу посмотреть с друзьями, если они желают, но сам… не фанат, не любитель, не игрок. А почему такой вопрос?

– Многие мужчины обожают футбол… – ответила она, пожав мило плечиком, потом нахально и симпатично перебросила ногу на ногу. Романов это действие не упустил.

– Я люблю свою работу, – сказал он, поднимая глаза на неё, – кстати фотографией стал заниматься, когда понял, что не способен особенно к живописи. Ходил в кружок Юный рисовальщик потому и пошёл в кружок Юный фотограф. Так и прирослось на всю жизнь.

– А в Юный рисовальщик зачем пошёл? Случайно?

– Нет, не случайно, – Виталий подумал немного, вроде как прикидывая, стоит ли рассказывать. – Мать в детстве очень плотно познакомила с живописью эпохи Ренессанса, в доме много иллюстрированных альбомов.

– О-о? – Тайси была явно поражена, – А мама у нас кто?

– Простой учитель истории. Живопись – увлечение.

– Ты из интеллигентной семьи, так я и знала, – подвела итог Тайси.

– Может быть.

По вагону по-хозяйски зашаркали чьи-то мягкие туфли и прозвучал голос проводника:

– Провожающие, выходим из вагона! Провожающие, выходим из вагона! Состав отправляется, прошу покинуть вагон! – И уже кому-то строго: – Что тут торчим?

Через пару минут мимо вагона мягко, без толчков, поплыл перрон с оставшимися людьми и зданием вокзала. Тайси достала мобильныый телефон из своей сумочки, нажала кнопку и сказала только два слова: Мы поехали. В дверь купе глухо постучали, Тайси громко сказала: «Войдите! Дверь отворилась и за ней показался Юрий Петрович. Он осмотрел их подозрительно и проговорил, как проворчал ревниво:

– Ага, вон вы как тут? Вдвоём, значит. Неплохо у вас, не скучно.

– Что хотели? – очень радушно спросила Тайси. – Проходите, садитесь, Юрий Петрович.

– Да спросить хотел, – замялся тот, – мы же вроде как вместе едем?.. Ужинать тоже вместе будем или каждый сам по себе?

– Конечно, вместе, – тут же потянулась Тайси к своему пластиковому пакету. Юрий Петрович сказал: – Сейчас, – и вышел из купе.

Ужин несколько походил на торжественное заседание. Подошедшие Юрий Петрович и Андрей устроились по одну сторону стола, Тайси и Виталий – по другую. Тайси с женской проворностью и сноровкой тут же всё аккуратно расположила на столе, чтобы всем было удобно и сподручно дотягиваться до всех продуктов, после чего вытащила откуда-то

из-за себя четвертинку лёгкого российского коньяка и поставила её в центр стола.

– Это только для нашего знакомства, – предупредила она сразу, – никаких послаблений в поездке не будет. Прошу всегда помнить – мы едем работать. Когда заказ выполним – можете хоть залиться!

Юрий Петрович на это скуксил лицо, вытянув губы трубочкой, и ответил

– Так мы и сами понимаем… мы же грамотные

– Юрий Петрович, – тут же оправдалась Тайси, – я на всякий случай. Люди творческие, насколько я знаю, могут увлекаться всем, чем угодно.

Коньяк был разлит за два раза. Разливал Юрий Петрович в тонкие вагонные стаканы, на самое донышко. Приятное, терпкое спиртное пробудило у всех настроение и способность общаться. Знакомство состоялось быстро и весело. Когда последняя капелька коньяка исчезла из стаканчиков, Юрий Петрович полез в свой пластиковый пакет с лёгким ворчанием: «Сейчас я по-холостяцки тут.» И достал на свет бутылку водки. Бутылка была большая, грамм на семьсот пятьдесят и рядом с маленькой, аккуратненькой и симпатичненькой четвертинкой из-под коньяка смотрелась большой, упитанной и провокационной сволочью. У Тайси от её вида округлились восточные глаза и дрогнули алые губки. Она только хотела что-то сказать или того пуще – запретить, как Юрий Петрович быстро сорвал пробку и пояснил:

– Ну так, от вашего купе угощение было, теперь по-русски положено от нашего купе… иначе как? Люди мы все взрослые, – продолжал он, наливая каждому в те же стаканы, – всё понимаем, кто чувствует необходимость остановиться, должен остановиться, – и сразу же, взяв стакан, – ну, что, Виталь?.. Выпьем за нашу единственную, очаровательную, восхитительную и неотразимую руководительницу?

– Без проблем, – ответил тот, поднимая свою посудину с водкой, – выпьем за Тайси!

К ним присоединился Андрей, но без слов. Тайси свой стакан не взяла, лишь глубоко вздохнула, сказала:

– Ребята, только по чуть-чуть… не расслабляться!

– Да разве ж мы не понимаем? – удивился Юрий Петрович, закусывая помидором, – мы же люди грамотные? По второй, Виталь? – глянул он на Романова, тот кивнул.

После второй Андрей достал сигарету, вставил её себе в губы, сигарета безвольно свесилась вниз.

– Я курить! Кто со мной? – глянул он на Тайси, тут же удивился её молчанию, – Не хочешь?

– Я не курю, – сказала она холодно.

– А я курю, – вышел Андрей из купе, хлопнул дверью решительно и громко. Не торопясь, но явно пошатываясь от выпитого, его фигура закачалась в коридоре в сторону тамбура. Закурил он здесь же и хамовато выпустил дым в сторону дверей купе.

В купе Юрий Петрович прихватил с собой бутылку с

оставшейся водкой, поднялся, сказал:

– Всё, спасибо, я наелся. Пора на боковую.

Выходя, кивнул незаметно Виталию. Тот вышел с ним в коридор. Здесь Юрий Петрович воровато сказал:

– Ты давай к нам. Этот «орёл комнатный», – кивнул он по коридору вдаль, – сейчас накурится и отрубится, а мы с тобой посидим, поговорим, стратегию обсудим… тактику действия!

– Юрий Петрович, – оправдался Виталий, – устал, спать хочу. Извини.

– Ну оно да, – согласился тот в пол, – оно да… с такой девчонкой и я бы спать мигом захотел.

– Да Вы не так поняли.

– Оно да, – кивнул тот, – не так понял. Представляю тогда, ладно, иди спать, завтра приходи похмеляться.

И он ушёл к себе в купе. Романов зашёл к себе. Глаза Тайси были строги и беспощадны. Она немного надула губы и сказала:

– Мне Юрию Петровичу говорить не удобно, а ты, завтра, предупреди его, что водку пить в нашей командировке я запрещаю!

– Без проблем! – не очень трезво рапортовал Романов.

Тайси глянула на него и спросила:

– Чаю хочешь? Я принесу.

Романов согласно кивнул головой. Тайси, прихватив полотенце и мыло, быстро вышла из купе.

В десятом часу вечера на тундру опустилась полная ночь. Скорый поезд мчался по чёрной равнине, где Северный полярный круг разрезает тундру надвое. За окном, на крошечных полустанках, уже появлялись настоящие деревья, большей частью – ели и берёзы. Полустанки, или как их называли местные жители, «платформы» пролетали мимо за секунды, оставляя после себя лишь слабое, теряющееся в ночи, пятно света от неоновых, станционных «кобр». Деревья, под их светом и за их светом, стояли не жёлтые или зелёные, а только серые и чёрные.

Оставшись один в купе, Романов тут же достал свою сумку, аккуратно вытащил из неё длинный плоский свёрток, развернул… там была алая роза. Он положил цветок на белую наволочку подушки Тайси.

Едва он успел сесть, как в купе вошла Тайси, держа в одной руке сразу два стакана с чаем. Розу она увидела сразу… на секунду остановилась. Романов тут же поднялся, взял стаканы.

– Я подержу, – сказал он.

Девушка присела рядом с цветком, словно боялась брать его в руки, потом сказала:

– Надо же воды принести ему?

И тут же вновь испарилась. Дверь в купе осталась открытой. Романов поставил чай на столик. Здесь из коридора услышал мужской завистливо-восхищённый голос:

– Ничего себе соседка! Девушка, девушка!.. Заходите к

нам, давайте знакомиться? Куда же Вы? У нас весело!..

– У нас с мужем тоже не скучно, – раздался голос Тайси.

Виталий быстро поднялся, выглянул наружу, Тайси уже подходила. В нескольких метрах, возле первого купе стоял парень и завистливо смотрел ей вслед. Романов зло и громко поинтересовался:

– Проблемы какие-то?

Тайси, свободной рукой легонько толкнула его в грудь, сразу как бы успокоив:

– Всё нормально, ничего страшного, заходи.

Внутри она почти усадила его на диван и хитро ему улыбнулась.

– А ты ревнивый, – сказала, чуть сощурив глаза.

– Я на всякий случай, – соврал он.

– Ну да, – кивнула Тайси одним подбородком, – конечно. Я слышала. Пей чай.

– Да я один вопрос только задал? – удивился Романов.

– Ты бы слышал КАК! – громко, наставительно и несколько иронично рассказывала она.

Поставила розу в баночку с водой, что взяла у проводницы, посмотрела зачарованно на цветок, потом вдохнула его аромат, потом вновь посмотрела на цветок, потом наконец сказала:

– Спасибо.

Глянула на Романова так внимательно и благодарно, что он как-то даже засуетился. Тайси это заметила и чуть ли не

попросила:

– Только ты не испорти ничего, ладно?

– Это как? – вырвалось у него.

– Это так, – внятно ответила она.

Понаслаждавшись ароматом ещё немного, она поставила цветок на столик, поправила лепестки-листики и, находясь всё ещё под впечатлением, проговорила:

– Красиво.

Виталий заметил, что глаза у девчонки были чуть влажные, словно собралась всплакнуть, да не получилось. Надо было что-то сказать, что-нибудь нейтральное, лёгкое и непринуждённое, но вместо этого Романов внезапно спросил:

– А как твоя фамилия?

– Фамилия? – очнулась Тайси, чуть не испугавшись, – Какая фамилия? Зачем фамилия?

– Да просто, едем вместе, а я и фамилии твоей не знаю.

– Леднёва, – ответила она.

– Фамилия русская, – сказал Романов несколько подозрительно.

– Что ж с этого? – удивилась она, – Все финно-угорские национальности носят русские фамилии.

– И кто ты у нас из этих национальностей?

– Я марийка, – ответила она просто, – чай пей.

Тут же забралась на диван с ножками, подобрав их под себя, облокотилась о подушку и глянула в чёрное, непрогляд-

ное окно. Чай пила не торопясь. Поезд замедлял ход и, похоже, подъезжал к какой-то станции. Скоро мимо проплыл первый станционный фонарь. После фонаря проплыла одинокая баба в форме, с жёлтым флажком в руках – станционный дежурный.

– Ты любишь урбанистический пейзаж? – внезапно спросила Тайси, смотря в окно.

– Не очень, – ответил он, попивая чай, – я люблю пленэр.

– Ух, ты! – восхитилась она, – Слова-то какие! А разве урбанистический пейзаж это не пленэр?

– У французских живописцев, – поучительно сказал он, – пленэр означает отображение живой, акцентирую – живой природы в её естественных красках, а не каменюки и деревяшки.

– Ишь, ты! У тебя французская школа?

– Нет, – немного подумав, ответил Виталий, – у меня не французская школа.

– А какое у тебя направление? – поставила она свой стакан на стол.

– Особого направления нет. Работаем по направлениям заказчика. Главное – качество изображения.

– Уже неплохо, – похвалила она.

– Контингент заказчика диктует все направления.

– Да, – сказала Тайси, – чтобы заниматься искусством, надо иметь не заказчика, а спонсора.

– Женщинам здесь легче, – сразу обвинил Виталий всех

женщин, тоже поставил стакан на стол и растянулся на диване.

– Не всем женщинам. Есть кому и тяжелее, – поправила Тайси.

Поднялась, вытащила чемодан, достала из него что-то и тут же попросила:

– Если у тебя есть газета в дорогу, почитай, пожалуйста?

– Зачем?

– Я переоденусь, – сказала она и стала сразу расстёгивать коротенький пиджачок, под которым оказалась блузка. Виталий не стал ждать, когда Тайси начнёт расстёгиваться дальше, потому как останавливаться она, вроде, не собиралась, достал газету с полочки над диваном и, лёжа на спине, прикрыл ею глаза, делая вид, что читает.

– Я могу выйти, – предложил он.

– Не надо. Я тебе верю.

– С чего это?

– Мы – одна команда. И парень ты неплохой.

– Не боишься, что подглядывать буду? – спросил он игриво.

– Нет, – просто ответила она, без лишней кокетливости, – совсем не боюсь.

– Это почему?

– Потому что ты ведь рассчитываешь на взаимность? И вряд ли такой человек, как ты, захочет портить о себе впечатление.

– Вот как?! – только и смог проговорить Романов.

– Слишком открыто? Или терпимо?

– Нормально, – проворчал он из-за своего бумажного укрытия. В купе было тихо, поезд остановился и было слышно завлекающее шуршание женской одежды. Романов глубоко, громко вздохнул.

– Тяжко тебе? – Тайси говорила так, словно и не сомневалась в этом.

– Да как… подглядеть хочется, немножко.

– А ты подглядывал когда-нибудь? – спросила она.

– Конечно, – похвастался Романов, – а как же? В школе особенно.

– Ты бабник, да?

– Ну так не без этого, – сознался Виталий.

– Заметно, – вздохнула она и здесь что-то мягкое, невесомое упало ему на ноги. Виталий шелохнулся. Тайси сказала без суеты:

– Ещё секунда…

Прошла секунда и она оттянула газету от его лица, заглянув к нему, сказала, улыбаясь поощрительно:

– Вот и всё. Спасибо за выдержку.

Тайси стояла перед ним в тонком обтягивающем тёмном трико, расходящемся клёшем от колена вниз. Сверху на ней была простая, но тонкая, мужская сорочка. Сорочка была белая и Тайси в ней была ослепительно хороша. А на ногах Виталия сейчас лежала её юбка. Ему показалось, что это был

какой-то особенный знак доверия. Едва он об этом подумал, как состав дёрнулся и пошёл, быстро набирая скорость. Тайси в эту секунду качнулась и, не удержавшись, ткнулась руками в колени Виталия, тут же извинившись, и ухватила с него свою юбку.

– Спать будешь? – спросил он.

– А ты поговорить хочешь? – легла она на подушку.

Романов приподнялся с места на локте, ответил, несколько оправдываясь:

– Надо же знать, кому подчиняться?

– Ой, Витасик, – вздохнула она всей грудью, – если вы не будете особенно нарушать дисциплину… пьянкой, то и подчиняться особенно не придётся. Просто выполним заказ и разъедемся.

Тайси вытянула перед собой руку и разглядывала свои ухоженные ноготочки. Смотрела она на свою руку, явно ею любуясь. Романов поднялся, сел и щёлкнул замком на двери купе, Тайси не обратила внимания.

– Так ты после выполнения заказа сразу обратно? – спросил он.

– Куда обратно? – отвлеклась она.

– В Северск, домой.

– Нет, не обратно. Не решила ещё. Если на море работу найду, то, может, и останусь.

– Дизайнером?

– Можно и так. Можно и оформителем каким-нибудь.

– И что оформлять?

– Агитку какую-нибудь лёгкую, надписи всякие. Найду себе завод и буду писать на его товарах «не кантовать»! – она посмотрела на него очень серьёзно и продолжительно.

– На море есть заводы?

– Ну да, – сказала она вытянув губы трубочкой, словно для воздушного поцелуя, повернула голову на подушке на другую сторону и предположила очаровательненько, – какой-нибудь… «Химпроммашдорстройсервисфосфатфикалияпродакшен».

Быстро глянула на Романова, улыбнулась хорошо и ласково, спросила также:

– Смешно?

– Смешно.

– Я рада.

Тайси проговорила последнее слово очень быстро, потом секунду смотрела на Виталия, тут же резко повернулась, уткнувшись лицом в подушку, и рассмеялась. Романов улыбнулся. Не успел он ничего сказать, как Тайси также быстро отпрянула от подушки, глянула на него пронзительно и спросила, явно заинтересованно:

– Ты уже ревнуешь?

– Это почему?

– Ну как же… – усмехнулась она, – ты уже в своём мужицком умишке предположил каким образом я буду устраиваться на море, на какой-нибудь завод, и предположил, что

делать я это буду через постель, а директором там мужик… Правильно?

– Нет, не правильно.

– А вот и неправда. Ты глянь на свою мордуленцию, она очень правдиво говорит, как ты обо мне сейчас подумал.

– Я подумал не так, – попробовал он оправдаться.

– А как?

– Я подумал, что такую видную девчонку любой директор, конечно, может взять на работу, но… наверняка с дальним прицелом.

– Правильно, – перевернулась она на спину и устроилась на подушке удобнее, – правильно. Это, в сущности, одно и то же.

– Сегодня так очень многие устраиваются. И считают это вполне нормальным. Поэтому мы, в своём мужицком умишке, так и думаем.

– Если бы ты был директором, – вновь очень сосредоточенно посмотрела она на него, – ты бы принял меня на работу с дальним прицелом? Только не лгать!

Романов задумался, но ответить не успел.

– Вот видишь, – сказала ему Тайси укоризненно, – прицелился в мужицком умишке своём?

Она посмотрела в потолок купе, сцепила руки в замок у себя на животе и подвела итог:

– Потому дисциплина, Витасик, это – первое в нашей работе. Не будет дисциплины – не будет работы. Ты ещё лад-

но, – как-то странно похвалила она, – ты человек явно с саморегуляцией… а вот Андрюшка этот… – Тайси цокнула языком, – он, так похоже, немножко безбашенный.

– С чего бы это?

– Возраст дурацкий… двадцать лет

– Тебе больше?

– На два года, – быстро глянула она на него, – и ты не сравнивай, девушка в двадцать два, и парень в двадцать… мальчишка ещё. Тебе сколько? – тут же поинтересовалась она совсем ненавязчиво.

– Двадцать девять. Как тебе этот возраст? Пацанячий? Или…

– Или, – согласилась Тайси примирительно, – на пацана ты не похож, – здесь она состроила лёгкую гримассу, сдвинув брови, и дала характеристику, – в глазах сквозит мужество, а в движениях решимость! В голосе слышится отвага и в каждом шаге сплошной героизм, доблесть и бесстрашие, – здесь она сорвалась голосом чуть ли не до хрипоты, – до дерзости!

Чуть помолчала и брякнула:

– По-одохнуть!..

– Мне нравится, – сказал на всё это Виталий простенько.

– Ещё бы, – глянула на него она коротко и тут же передразнила, – ему нравится! Кому из вас, мужиков самовлюблённых, это не понравится?..

– Ты замужем была?

Тайси замолчала, поднялась с подушки и села на крова-

ти. Несколько секунд она очень внимательно рассматривала его, словно на лбу у Романова вырос цветок. Через какое-то время сказала:

– Не была. Это что… спортивный интерес?..

– Это – просто интерес.

– Мило. По какому поводу?

– По чисто мужскому поводу, – признался он, – девушки, что замужем побывали, немного отличаются.

– Чем?

– Поведением.

– Как?

– Быстрее на контакт идут.

– Дурак, – искренне вырвалось у неё без лишней злости.

– Я по опыту.

– Не применяй на всех девушек свой куцый, плебейский опыт! – посоветовала она с чувством.

Здесь Тайси вновь плюхнулась в постель, сразу же отвернулась к стенке купе и оттуда скомандовала:

– Спать ложись. Знакомство состоялось.

– Разочарована? – единственное, что он мог спросить он.

Тайси повернулась к нему лицом и вновь без лишних эмоций сказала:

– Не-ет. Нисколько. Спим, Витасик. Завтра продолжим. Дорога длинная.

Он вздохнул и стал расправлять свою постель. Свет потушил, взял полотенце и, как очень правильный мужчина, по-

шел совершать вечерний моцион в туалет. За окном вагона мелькали очередные огни какого-то северного посёлка.

В соседнем купе Юрий Петрович смотрел на огни посёлка, пока поезд не тормознул и перед ними не появилась какая-то станция с крошечным вокзалом. Возле стояла женщина с жёлтым, замотанным флажком в руке, тут же сновало несколько человек, как из пассажиров с чемоданами, так и станционных смотрителей. Было темно, но свет от станционных фонарей освещал всё довольно прилично. Юрий Петрович оторвался от окна, перевёл глаза на Андрея – тот сидел, прислонившись спиной к стенке купе с закрытыми глазами. Света в купе не было, лишь один ночник всверху слабо горел синим светом. Взгляд Юрия Петровича он почувствовал и глаза сразу открыл:

– Нет, я не сплю!

Сидельников усмехнулся.

– Может, по водке? – спросил Андрей браво.

Сидельников усмехнулся во второй раз.

– Спать ложись, – сказал он.

– Я совсем не хочу спать, я просто люблю сидеть с закрытыми глазами… в вагоне. Так лучше думается.

– Интересно, – спросил Юрий Петрович, – о чём же тебе думается? В вагоне?

– Так… о жизни. Обо всём. Философия.

– А-а, – промычал тот, – ну, это конечно. Куда нам без

философии? Первое дело после сортира.

Он достал свою початую большую бутылку водки, где плескалось ещё половина содержимого, открыл и налил себе в стакан. Андрей заметил это и пододвинул свой стакан.

– Не скопытишься? – спросил Юрий Петрович просто, всё же наливая ему совсем немного, просто плеснув в стакан.

– С чего бы это? – фыркнул Андрей.

– Так ясное дело – с перебора.

– Никогда!

Они выпили разом, Юрий Петрович тут же захрустел огурцом, кивнув на закуску Андрею, но тот отказался, сказав:

– Я могу и не закусывать. Мне водка… так… Хотел вот с Вами поговорить… понимаете меня, да?

Юрий Петрович внимательно посмотрел в ночи на собеседника и промычал понимающе:

– О-о… уже?

– Я что?.. – заартачился тот, – Я ничего! Я в порядке! Свои проблемы решаю сам!

– Ну да, – согласился Юрий Петрович, – это я вижу. Нахватался слов…

– Я Вас хотел спросить, – вновь начал тот, – только это так, между нами… мы же мужчины, – голос его всё больше и больше становился пьяным, – эта вот… Тайси, она что?

Здесь он замолчал и впился глазами в Юрия Петровича. Тот наконец понял, что это был за философский вопрос, и

ответил:

– Да обычная баба, только красивая и с мозгами, больше ничего нового.

– Вот как? – казалось удивился Андрей, – Интересно. А что ж она тогда с этим… как его?.. Ну-у… с Р-романовым в купе… заперлась? Он у нас мачо что ли?

– А с кем ей запираться, с тобой что ли? – не удивился Юрий Петрович.

– А что? – вскинул тот глаза и метнул из них огонь.

– Осторожен будь, – Юрий Петрович отвернулся в окно, – Виталька – парень хороший, но бывает горяч… двинет тебе разок и расколет башку пополам!

– Ой, ой, ой! – скривился Андрей лицом, – Испугались!

– Я предупредил, – Юрий Петрович глянул на Андрея – тот уже спал. Сидя. В положении удобном для философствования.

В купе Тайси и Романова тоже спали. Тайси спала на боку, положив под голову ладошку, лицо её было безмятежным и беззащитным. Романов возлежал на спине, положив себе руку тыльной стороной ладони на лоб. Поезд катил дальше. Тайси снилась белая чайка. Витасику снилась Таси.

Утром Виталий проснулся, когда уже поезд шёл по дремучей северной тайге. Деревья стояли сплошной зелёной стеной, тянулись по обе стороны железной дороги. Тайси уже

умылась, привела себя в порядок, сидела на своём месте и читала книгу. Вид у неё был очень увлечённый. Романов потянулся, громко вздохнув и спросил сразу же иронично:

– Женский роман? Слёзы, вздохи, переживания?..

– Нет, – ответила она, не убирая книги в сторону, – словарь иностранных слов. Сухо, коротко и понятно.

– С добрым утром, – приветствовал он.

– С добрым утром, – ответила она.

Романов немного полежал, подождал – выйдет Тайси из купе, или не выйдет? Тайси не шелохнулась. Лицо её полностью было закрыто книгой. Романов на обложке прочитал: «Труженики моря» Виктор Гюго. После чего не стал больше ждать, встал, оделся и, набросив полотенце на плечо, пошёл умываться.

С полотенцем на плече и туалетными принадлежностями в руке, Виталий встретился в коридоре вагона с Юрием Петровичем. Тот уже умылся, привёл себя в порядок и по пути вытирал руки.

– Привет молодым! – сказал Юрий Петрович. Лицо его было свежо и чисто. Казалось он всю ночь спал здоровым сном, а не пил водку. Виталий поздоровался, потом спросил:

– Горячую воду дали? – и кивнул на туалет.

– Закусывать надо, – ответил тот соответственно, – начальство поднялось?

– Давно. Уже и умылось и накрасилось и книжку читают! – ответил он.

– Ишь ты! – восхитился Юрий Петрович, – Что за книжки? Энциклопедия юной леди?

– Виктор Гюго «Труженики моря»!

– Ёшкин кот! – восхитился тот и сразу же очень рассудительно, – Ну, им положено, они же начальство, правильно?

– Правильно, им фэнтази не подвластно!

– Ты фэнтази читаешь? – удивился Юрий Петрович.

– Я что – чокнутый? – спросил тот и пошёл в туалет с возмущённой физиономией.

Юрий Петрович глянул ему вслед и, пройдя коридор вагона, постучался осторожно в купе Тайси, там крикнули: «Да-да!!» Он двери открыл, глянул в купе и сказал:

Пока кавалер твой душ принимает, я полюбезничать. Как мы утром: в кабак идём завтракать или то, что от вечернего пиршества осталось, доедим?

– Конечно, доедим, – тут же ответила Тайси возмущённо, – что ж пропадать еде, что ли?

Тайси сидела на диване, прикрыв ножки одеялом и поджав их под себя, здесь же лежала её книга. Юрий Петрович кивнул на книгу и сказал, словно уверен был:

– Небось французская классика?

– Французская, – удивилась она, закрывая книгу и показав ему обложку, – а как догадались?

– Да что тут догадываться? – небрежно ответил тот. – На тебя глянешь разок, сразу всё поймёшь. Разве может такая девушка без французской классики? Ладно, заговорились,

сейчас твой придёт, начнёт сцены ревности закатывать. Как соберётесь, так и давайте к нам, я пока всё разложу там на столе. Ждём.

Юрий Петрович хотел уйти, но вопрос Тайси его остановил:

– А почему «мой»?

– Так, а чей же? – удивился он. – Он с тебя глаз не сводит, значит твой. Влюбился уже по уши! Что ж я не вижу, что ли? Он наверняка уже со своей стороны на столе твоё имя ножиком вырезал!

И ушёл к себе. Тайси фыркнула громко, книжку отложила и уставилась возмущённо в окно.

У себя в купе Юрий Петрович бросил полотенце на полочку, пакет положил туда же, потом глянул на Андрея. Андрей спал и тихонько, как-то осторожно, похрапывал.

– Встаём, юное поколение! – сказал Юрий Петрович. – День пришёл и девки стонут!

– Чего? – открыл глаза Андрей., – Кто стонет?

– Желудок твой стонет, похмелиться хочет, – ответил он, – поднимайся, сейчас начальство придёт с Виталькой, завтракать будем.

– Почему у нас? – поднялся тот.

– Потому что у нас мужчины живут.

– Правильно.

– Мордочку иди умой.

Войдя в купе, Виталий полотенце бросил на диван, приборы в походном несессере туда же. Тайси сразу же спросила:

– Ты уже Юрия Петровича видел?

– В коридоре встретились, – сел он напротив неё.

– И как? – подозрительно спросила она.

– Да никак, он оттуда, а я туда. Всё. Здрасьте – до свидания!

– Мы к ним идём завтракать.

– Хорошо, – покладисто согласился он, кивнул на книжку у неё на коленях, – Как наш Гюго? О чём пишет? Эротика?

– Нет, – Тайси смотрела на него внимательно. – Гюго пишет о тяжёлой жизни простых людей. Ты ничего не говорил Юрию Петровичу?..

– Я у Гюго читал только одно произведение, – попробовал похвастаться он, – «Человек, который смеётся». А что я мог сказать такого Юрию Петровичу?

– Ну, что-нибудь? – она слегка наклонилась вперёд.

– Ничего не говорил. Я вообще человек малообщительный. Скромный, можно сказать, и стеснительный.

Они как-то вместе повернулись к окну и посмотрели на проносящуюся мимо тёмную полосу деревьев.

– Как думаешь, можно нарисовать такую стену зелёной массы деревьев, чтоб это было симпатично и красиво?

– Если ты говоришь о полотне, – умненько ответила девушка, – то их не рисуют, их пишут. Написать картину, чтоб было «симпатично и красиво» можно о чём угодно и с чего

угодно. Главное – чтоб писал художник, а не рисовальщик. Разницу почувствовал?

– Конечно! – от возмущения даже плечи приподнял Витасик. – Это как у нас в фотографии: один – художник, другой – халтурщик.

– Ты – художник? – ровно спросила она, без эмоций.

– Что ж я сейчас хвалиться начну?

– Скажи как думаешь.

– С тебя бы я картину написал, – ответил он в своём духе.

– Вот как? – казалось, удивилась она, – Интересно. Я подхожу для модели?

– Конечно, подходишь.

– По каким таким параметрам?

– Да, по всем параметрам, – отвертелся он, – можно подумать, ты не знаешь.

– Всё равно услышать хочется.

– Ну-у, – промычал он, явно желая угодить, – формы у тебя… такие… тело красивое.

– Да? – очень коротко раздалось от Тайси и она почему-то посмотрела на свою небольшую, высокую грудь, – где красивое?

– Ай, ну тебя, – отмахнулся Виталий небрежно, – когда есть идём?

– А у тебя есть девушка? – вопрос был внезапным.

– А у нас что, брачные игры начинаются? – спросил он удивлённо так, что не было понятно – хамство это или ис-

кренность.

– Мужик! – ответила Тайси.

В своём купе Юрий Петрович в одиночестве быстро накрыл на стол, поставил пару стаканов, зачем-то сосчитав их по порядку – раз, два. Задумался, потом вспомнил и сказал: «Свои сами принесут». Дальше он порезал колбасу, выложил помидоры, огурцы и т. д. Здесь вошёл умывшийся Андрей. Бросил в сторону полотенце, сел за стол, хлопнул в ладоши:

– Ну-с!!

– Погодь, – сказал ему веско Юрий Петрович, – все вместе сядем.

– А что их ждать? Мы же не съедим сразу всё? Придут и присоединяться.

– Я сказал – погодь, – жёстко проговорил Юрий Петрович.

Андрей недовольно отвернулся к окну. Есть не стал. Через секунду в купе постучали, и дверь открылась. Первой показалась Тайси, за ней – Виталий. На Тайси был лёгкий домашний халат, в каких женщины очень часто ходят в вагонах, халат был не длиннее юбки, в которой она появилась на вокзале.

– Наконец-то, – проворчал Андрей, – второй час вас ждём.

– Стаканы свои принесли? – спросил Юрий Петрович.

– Зачем стаканы? – возмутилась Тайси, – Юрий Петрович, мы же с Вами договаривались?

– Так я чай пить, – сразу ответил тот, – а ты что подумала?

Все расселись по местам. Едва приступили к трапезе, как Тайси достала из кармашка халата сложенный лист бумаги, развернула его и поведала, перекинув нога на ногу:

– Это нам Валерий дал на всякий случай, здесь описано то, что хотел бы потом увидеть заказчик. В сущности ничего особенного, но работать всё же будет так легче. Вот здесь, Юрий Петрович по портретам… хочет дядя, чтоб были мужественные лица моряков – речников.

Она посмотрела на мужчин и увидела, что те смотрят на её открытые ножки, едва прикрытые халатиком, на смуглых ножках не было даже чулочков.

– Заказчик работал моряком? – спросил Юрий Петрович её коленки.

– Речником. Ходил несколько навигаций в молодости, – она просмотрела что-то ещё, сразу натягивая халатик ниже, как могла, – даже города отмечены, где останавливаемся… пейзажи с берега и наоборот… прекратите меня разглядывать!

– Так красиво же! – удивился Юрий Петрович.

– Он прав, – согласился Виталий.

– Я лично никого не разглядываю, – отвёл глаза Андрей, – очень нужно.

– Давайте вначале поедим! – раздался голос Юрия Петровича, – Не убежит никуда листок твой, Тайсик. Похмелиться бы надо, – тут же достал он как маг-волшебник свою початую

бутылку, – а то голова не соображает… и глаза, как видишь, не туда скошены, – он быстро глянул на её коленки, вскинул глаза ей в глаза и спросил, уже всё сам решив, – только по пятьдесят грамм?.. – и здесь как пригрозил, – а то глаза от твоих ножек отвести не смогу!

Тайси лишь вздохнула.

Андрей выпил свою водку первым. Выпил залпом, одним глотком, щёки даже надуть пришлось для этого. Юрий Петрович просмотрел всё зрелище, сказал:

– Круто! – и аккуратно сцедил свою порцию спиртного, словно это был яблочный сок.

Андрей тоже просмотрел и ответил:

– Я так не пью, я сразу, одним глотком.

– Закуси? – предложил Юрий Петрович

– Я после первой не закусываю, – ответил тот.

– А второй не будет, – сказала ему Тайси и сразу же, – правда ведь, Юрий Петрович?

– Ну-у… – протянул тот, жуя колбасу.

Тайси на это быстро поднялась, очень по-хозяйски собрала стаканы из-под водки в подстаканниках в одну руку, Юрий Петрович только успел сказать:

– Тайсик? Зачем? Мы не будем больше?

– Так, я знаю, – мило улыбнулась она ему, – потому и хочу всем сейчас в стаканчиках чаю принести.

И улыбка её достигла предела женского коварства. С этим личиком купе и покинула.

– Тяжело тебе с ней? – посмотрел на Виталия Юрий Петрович. Тот пожал плечами.

– Тяжело, – сказал поучительно Андрей, – отдай другому.

– Рот закрой! – предложил Виталий.

– А что такое? – совсем беззлобно удивился тот.

– Она тебе не сумка и не портфель, чтоб её отдавать кому другому… понял меня?

– Я не в этом смысле.

– А ты в любом смысле лицо попроще сделай? – предложил ему Романов.

– Ладно, тихо вы! – предостерёг Юрий Петрович. – Раскудахтались! Вместе едем, не забыли?

Виталий быстро вытащил из-за Юрия Петровича бутылку водки, открыл и так – из горлышка несколько раз булькнул. Юрий Петрович опустил уголки рта вниз удивлённо, потом забрал бутылку и сделал то же самое. Когда оба закусили, Юрий Петрович сказал:

– А я думал, из горла водку – это только моё поколение могло?

В купе вошла Тайси с четырьмя стаканами чая. Поставила чай на стол, села рядом с Виталием, сказала:

– В Москве будем в четыре часа вечера. Стаканы я помыла. У нас такая проводница хорошая.

– А стаканы зачем мыла? – удивился Юрий Петрович, смотря на качающийся чай в стаканах.

– Так они же в водке были? – изумилась Тайси.

– Так это же приятно! – не меньше изумился Юрий Петрович.

Тайси фыркнула смешливо. Секунду молчали. В тишине после этих слов вдруг раздался обречённый голос Андрея:

– Это – пройденный этап! Наркотики, алкоголь, женщины.

Глянул на Тайси сверху, достал из штанов мобильник, что-то проверил и спросил то ли у мобильника, то ли у Тайси:

– Курить не хочешь?

После чего вышел из купе без лишних слов.

– Тоже мне, – проворчал Юрий Петрович, – Чайльд Гарольд нашёлся! В жизни разочарование! Ходит, словно петух, которому на хвост наступили…

– Может, у него личное? – предположила Тайси.

– Конечно, личное, – согласился Юрий Петрович, – я бы даже сказал – интимно-личное! Постоянно руки в карманах штанов держит, а?

– Что «а»? – даже отшатнулась она.

– Ну так… – Юрий Петрович немного замешкался, – может, что боится отпустить на волю? А?..

– Давайте пить чай? – предложила Тайси.

– Когда в жизни всё даётся с неба, – продолжил Юрий Петрович, – разочарований хоть ложкой лопай!

В курительном тамбуре Андрей был один. Затянувшись

пару раз крепко сигаретой, он выпустил дым в грязное окно и сказал туда же:

– Приедем в Москву – сяду в поезд, поеду обратно. Не нравится мне всё это. Нет. Сяду в самолёт и полечу обратно… нет… возьму билет в Турцию и поеду в Турцию. Или в Аргентину?.. А что там мне в Аргентине?.. Куда-нибудь да поеду. А они пусть пашут на этого заказчика. Не моё. Шататься там с фотоаппаратом по кораблю. Перезимую дома… чего-нибудь поднаучусь… сейчас фото и видео в моде… все чикают.

После завтрака, который прошёл в тишине, Юрий Петрович сказал: «Спасибо», и отправился курить в тамбур. Андрей, хоть и курил недавно, но мужественно достал свои сигареты и пошёл следом, едва ли не повторяя движения своего учителя. Тайси глянула ему в спину, а, когда дверь захлопнулась, хихикнула, чуть наморщив носик, и сказала по-женски едко:

– Андрюшка смешной такой!

Виталий попробовал уловить в этих словах хоть какой-то интерес к молодому человеку, но ничего такого не нашёл:

– Чем он смешной?

– Важничает, – ответила Тайси, – движения небрежные. Глаза постоянно безразличные. Словно, дядя такой, в жизни разочарованный. Мне кажется, Юрий Петрович прав… изображает из себя Чайльд Гарольда.

– Он просто в тебя влюблён, – сказал Виталий и быстро,

внимательно глянул на Тайси. Она не двинулась. Казалось, эти слова вообще для неё пустой звук. Быстро собрала в один пакет остатки завтрака, протянула Виталию и попросила:

– Сходи, выброси?

Виталий пакет взял, глаз от Тайси не отвёл, смотрел пристально, но и это не произвело на неё никакого впечатления. Секунду девушка ещё прибирала на столе, потом, не подняв лица, спросила:

– Чай будешь пить? Я схожу. Или уже у себя, в купе?

– У себя. Можно попозже, – согласился он, поднялся и, открыв дверь, похвалил, смотря в пол:

– У тебя хорошая нервная система.

Когда он вышел, Тайси хитро глянула на дверь и сказала ей открыто:

– Дурачок! Думал, я растаю. Всё бы вам простушечек подавай!

Поезд мчался, стучали колёса, за окнами мелькала одна, сплошная зелёная масса северной тайги. Небо было хмурое, серое. Из вагонного динамика, под самым потолком, неслась разухабистая, кабацкая музыка. В проходе стояла пара мужчин, внимательно созерцая непроходимую чащу деревьев.

У себя в купе Тайси уже сидела с ногами на своём диване и читала книжку. Вернувшись, Романов заметил, что на его появление, она не подняла головы и вообще никак не прореагировала, вроде не заметила. Он сел напротив, быстро скло-

нился, чуть ли не под стол, сделав вид, что читает название книги, хотел уже повторить это название вслух, но она его опередила. Книгу убрала и сказала быстро ему вниз:

– Гюго «Труженики моря».

Романов голову поднял, посмотрел в окно, сказал немного безразлично и даже чуть едко:

– Да, я знаю. Интересно?

– Всё, о чём пишет Гюго, – сказала Тайси ровно, – всё интересно. С одной поправкой… – оборвалась она на полуслове, явно, чтоб ей задали вопрос.

– Можно узнать?

– Он пишет для взрослых.

– Эротика, – сразу догадался Романов.

– Эротику пишут для подросших детей или для взрослых, впадших в детство, а это просто для взрослых, – разъяснила она, – теперь понял?

– Теперь понял, – повторил он, – думаю, мне должно понравиться.

Романов поднял свою полку, вытащил из сумки книжку, что прихватил с собой из дома, прилёг и углубился в чтение.

Поезд летел без остановок. Полустанки мелькали, словно мотыльки в свете автомобильных фар, станционные рабочие в оранжевых жилетах вспыхивали перед глазами и сразу же меркли в стене зелёной хвои. Иногда, в монотонном перестуке колёс раздавался длинный, протяжный гудок тепловоза, и вагон на повороте начинало клонить набок. Романов

взял свою книжку с полочки, прочитал первую страницу детектива, как вдруг услышал:

– Такое впечатление, что здесь много теплее, чем в Северске.

Виталий от книги оторвался, глянул на девчонку и ответил:

– Мы уже часов пятнадцать на юг едем, здесь всегда теплее.

Тайси отложила книгу, встала со своего места и попробовала приподнять свою полку – вышло плохо. Она обернулась и капризно сказала:

– Виталий… ну помоги же наконец?

Виталий, слетел на пол, поднял полку одной рукой. Тайси быстро расстегнула чемодан, вслепую залезла в него рукой и вытащила оттуда лёгкий, тонкий халатик. Сказала ему – спасибо, после чего полка опустилась вниз. Романов вновь лёг, открыл книжку и уткнулся в неё глазами. За книжкой что-то стало уже привычно шуршать, как шуршит одежда, потом голос Тайси сказал ему:

– Витасик, почитай немного книжку повнимательней, я переоденусь, а то от такой жары просто умереть можно!

Романов придвинул книжку ещё ближе к глазам. За книжкой вновь ласково шуршала материя, потом что-то щёлкало, потом на голову ему что-то упало. Романов это «что-то» снял и, отложив книжку, посмотрел. Это была её лёгкая футболка. «Знак признательности и хлынувших на девчонку тёплых

чувств», – подумал он. Тайси стояла перед ним в светлом халате, который был такой же короткий, как и всё, что она носила. Крутанулась игриво перед ним на носках и спросила:

– Нравится?

– Нравится, – промычал он.

– Красиво?

– Очень, – согласился Виталий и сразу добавил, – только выходить из купе нельзя.

– Почему?

– Мужики сразу на куски порвут.

Тайси на это чуть изогнулась телом, наклонившись набок, плечиком и ответила вызывающе:

– Х-ха!.. Очень мы боялись.

– А вы все никогда и не боитесь, пока «это» не случится с вами. Потом уже начинаете реветь, стенать и звать на помощь.

– Я не буду стонать и реветь, – ответила Тайси, – просто сразу на помощь позову тебя. Придёшь?

– Мы же одна команда! – как согласился он её же словами.

– Ну так и вот, – очень довольным голосом произнесла Тайси, явно довольная произведённым эффектом. Тут же запрыгнула на свой диван, пока Романов вновь в книжку не уткнулся, и совершенно откровенно, даже совсем бесподобно нахально села там, ноги под себя поджав и в то же время обнажив их ещё больше… Прикрываться простынёй или одеялом она не стала, даже книжку на коленки не положила,

читала её, на весу держа. Романов тоже стал читать дальше, однако минут через десять вдруг обнаружил, что всё это время находится на одной и той же странице, совершенно не понимая смысла прочтённого… Зато ножки девчонки изучил основательно. Всё ждал откроется ему нижнее бельё или не откроется? Бельё не открылось, зато детство золотое, школьное вспомнил. И то приятно.

К обеду скорый поезд «Северск – Москва» достиг южной границы области, тайга стала уходить, ей на смену всё больше и больше появлялись лиственные деревья. Пошла зона растительности, которую обычно все и называют – русский лес. Это был северный русский лес. Деревья здесь стояли громадные, толстые, раскидистые, ветки колыхались и волновались при порывах ветра, как волнуется морская волна, подходя к берегу.

Романов сходил в соседнее купе, спросил Юрия Петровича и Андрея – будут ли они обедать в ресторане, тут же пришёл обратно и доложил:

– Сказали, что через часик совсем не против.

– Замечательно, – тут же восхитилась Тайси, быстренько соскочила со своей постели, вновь позвала Виталия помочь подержать полку, забралась к себе в чемодан, что-то там пошарила рукой и вытащила на свет, аккуратненький набор щипчиков, пилочек и ножниц. Разложила всё у себя на постели, села поудобнее, натянула халатик как можно ниже и стала делать себе… педикюр. Романов поглядел на это очень

иронично, даже усмехнулся как можно громче, но девчонка словно не слышала, сидела и увлечённо подпиливала свои ноготочки на маленьких пальчиках. Колено ноги ей упиралось в подбородок, халат всё время съезжал и оголял бёдро до самой последней возможности.

Витасик «читал» свою книгу. Потом девчонка сменила ножку, Витасик сменил положение. Бок он уже отлежал, и потому лёг на спину. Книжка его немного опустилась краем вниз. Тайси быстро закончила правку, достала лак и в купе сразу же запахло ацетоном.

– Аллергии нет? – спросила она, не поворачиваясь.

– Что? – тут же опустил он книгу на грудь.

– Парфюмерию переносишь? – повторила Тайси столь выразительно, что глаза у неё немного расширились и посмотрели на Виталия более чем внимательно.

– Ах, да, – кивнул он, – переношу.

Тайси красила ногти так аккуратно и ювелирно, что сразу было видно – занятие это доставляет ей невообразимое удовольствие. Она даже не красила и даже не рисовала, а, говоря языком художника, она «писала» себе ноготочки лаком. Писала, как картину. Тёмно-красным лаком. Наконец, это действие было закончено, и девушка осмотрела свою работу явно с одобрением. Тут же опустила ноги с постели, аккуратно просунула их в босоножки, посмотрела, как смотрится в них её педикюр и спросила:

– А тебе нравится?

– Это имеет значение? – постарался безразлично спросить Виталий.

– Имеет, – ответила она внезапно откровенно, – ты же мужчина?

Романов убрал книжку в сторону, поднялся, посмотрел на ножки Тайси чересчур долго и чересчур куда-то не на пальчики, потом сказал ей нравоучительно:

– Обычно женщины перед мужчиной, которому хотят понравиться, не занимаются так откровенно своим этим… макияжем.

– Ну и что? – тут же удивилась Тайси, – Тебе же нравилось смотреть, как я этим занималась?

– Да, я книгу читал! – изумился он.

– Ко-оне-ечно, – протянула Тайси игривым голосом, – видела я, какую ты книгу читал!

Тайси поднялась, встала между полок и посмотрелась в зеркало двери. Что-то ей показалось в своём наряде не очень уместным и она, немного засомневавшись, спросила Романова:

– Как думаешь, Витасик, можно в таком халате идти в вагон-ресторан?

Как-то совершенно без ведома его сознания, подсознание Романова быстро спросило его:»А может отказаться от неё сразу?» Он даже головой тряхнул, как стряхивая наваждение, тут же постарался посмотреть на халатик с другой стороны, чтобы найти в этой одежде хоть какую-то крупицу бла-

гопристойности. Сколько ни смотрел – крупицы не нашёл. Театрально опустил вниз челюсть, говоря этим, что сражён видом девушки. Через какое-то время сделал вид, что сознание к нему вернулось, тогда сказал категоричным голосом:

– Можно. Если в вагоне-ресторане будет свирепствовать чума и холера.

– Это почему? – повернулась она к нему.

– Потому что тогда посетителям будет не до тебя.

Тайси громко хмыкнула на такое определение её наряда, сказала:

– Так что мне – переодеваться?

– Переодеваться, – сказал серьёзно Виталий, взял книжку и занялся чтением.

Через три минуты Тайси сказала: «Я готова!» Романов книжку убрал – Тайси стояла перед ним в том же наряде, в котором приехала на вокзал.

– Так годится? – нетерпеливо спросила она.

– Ну, так… – только и сказал он.

Она села на свою постель, положила руки по сторонам, глянула на Романова хитро, осторожно скинула один босоножек и тихонько, пальчиками ноги ткнула ему в бок. Виталий вздрогнул, посмотрел выразительно на обнажённую ногу девчонки и кивнул вопросительно головой. Тайси, не поднимая глаз, поводила ещё немного пальчиками ему по поясу, потом спросила таинственным голосом, немного плутовато:

– Не пытайся казаться безразличным. Людям сильным это

не идёт.

– Почему это не идёт?

– Потому что люди сильные всегда очень чувственные и эмоциональные.

– К примеру?

– Ну-у, – потянула она, одевая босоножек, глянула в окошко, словно не знала, как сказать, – к примеру, ревнивые…

Время было уже обеденное. Романов трижды громко стукнул кулаком в стенку. Юрий Петрович и Андрей появились быстро. Первый заглянул к ним в купе, всё осмотрел, сразу всё понял, хлопнул в ладоши громко и спросил:

– В кабачок? Подзакусим, господа, под селёдочку?

Тайси поднялась, взяла с собой свою дамскую сумочку и спросила недоумённо:

– Как это – «подзакусим под селёдочку»?

– Да обычно, – пояснил тот, – подзакусывают водочкой, под селёдочку.

– Мы же вчера договорились? – требовательно спросила Тайси.

– Тайсик! – склонил голову набок Юрий Петрович, – ты же умная девочка! «Сухой закон» – во время работы, а вне работы творческим людям необходимо расслабляться! Иначе вместо творчества получим ремесло. Ещё великий барон Жак Франсуа Дюваль говорил, что после каждого крупноформатного фотопанно необходимо выпить бутылочку вина!

Тайси на это высокопарное высказывание хмыкнула неопределённо, тут же подтянула к себе одну ногу, застёгивая босоножку, потом вторую, Виталий и Юрий Петрович сразу опустили глаза. Андрей остался без «сладкого», потому как стоял в проходе и из-за спины своего шефа ничего не увидел. Наконец Романов поднялся и перекрыл своим телом очаровательный вид девчонки. Юрий Петрович крякнул, глянул быстро Романову в глаза и сказал:

– Ну да, оно конечно. Я тебя понимаю.

Тайси посмотрела на свои ноготочки и перекинула ножку с ножки, словно проверяя, как будут они смотреться лучше. Она вообще любила некоторые свободные движения, во время которых у мужчин начинали бегать глаза и обостряться зрение.

– Пойдём, – позвал Виталий.

По дороге в вагон– ресторан, когда Тайси, по свойственной ей манере, шла первой, Виталий на одном из переходов между вагонами быстро обернулся на Юрия Петровича и, под стук вагонных колёс, проговорил скоро:

– Кто такой Жак Франсуа Дюваль?

Юрий Петрович плечи резко вздёрнул вверх, уголки рта опустил вниз и выпучил глаза.

– А я откуда знаю? – изумился он, – Главное, что подействовало! Но французское вино «Барон Дюваль» я пил!

Вагон-ресторан находился рядом. Посетителей в ресторане было совсем немного: три-четыре семейные пары да

столько же одиноких мужчин, помятых после вчерашних проводов, в несвежих сорочках. Между столиками иногда появлялись официанты. Зал ресторана был, как всегда, очень светел.

Они заняли свободный столик. Официант подошёл почти сразу. Он был молод и вороват на вид. Смуглое лицо его излучало фальшивое благодушие и почтительность к клиентам. Глаза южанина сразу оценили новых посетителей на предмет материального благополучия. Тайси тут же забросила ногу на ногу. Виталий промолчал, посмотрев на Юрия Петровича. Тот небрежно взглянул на подошедшего и проронил:

– Хотелось бы взглянуть на меню?

– Меню? – как будто впервые услышал такое слово тот. – Ах, да! Лангет, бифштекс, картофель, капуста, харчо, борщ, пиво, салаты…

– Хватит, – оборвал Юрий Петрович, – тащи, что, там у тебя посвежее – раз! И чем всё это запить – два!

Официант посмотрел на Тайси. Она ещё раз перекинула, со свойственным ей шиком ногу на ногу и сказала:

– Стакан молока.

– Ясно, – записал он в своей книжке, но смотрел на коленки, повернулся к Виталию. – Вам?

– Стакан минералки, – заказал тот.

– Ясно, – вновь посмотрел на коленки Тайси официант и старательно записал.

К Андрею он не обратился, может, посчитав его сыном Юрия Петровича. Впрочем, Андрей этого не заметил, он достал свой мобильник и что-то там набирал, потом водил телефончиком поверху своей головы – искал сеть, ничего не нашёл и спрятал мобильник обратно. Юрий Петрович глянул поочерёдно на Тайси и Виталия, но ответа не увидел, тогда сказал громко:

– Всё!

Официант не двинулся. Смотрел куда-то в стол, точнее немного мимо, на девчачьи прелести.

– Всё! – произнесла Тайси. Официант сказал: «Ясно», – и скрылся.

За время их трапезы, когда Юрий Петрович с Андреем аппетитно уплетали мясные блюда с вереницей салатов, запивая это холодным пивом и чем-то золотистым в графине, Тайси чинно и мерно отпивала крошечными глотками молоко из тонкого высокого стакана. Виталий выпил стакан минералки одним залпом и сидел весь обед без дела. На предложение что-либо заказать ответил категоричным отказом. У Тайси же стакана молока хватило ровно на весь обед.

– Ну, этот, – кивнул Юрий Петрович на Витасика, – ладно, он ненормальный, а ты-то, девочка, что не ешь? Талию бережёшь?

– Боюсь разонравиться одному мужчине, – ответила она голосом ровным, монотонным, словно крамольную статью на президента страны читала вслух.

– А-а, – промычал Юрий Петрович набитым ртом, – оно понятно.

Андрюша, на этот ответ Тайси, хмыкнул высоким голосом, словно курица подавилась, и сразу налил себе чего-то золотистого из графина в рюмку. Юрий Петрович просмотрел на это и сказал:

– Ты бы, мальчик мой, не увлекался.

– Я могу и сам себе заказать, – ответил «мальчик» и хлопнул рюмку золотистой настойки.

Чуть поодаль две труженицы ресторана, похожие на кухонных подсобных работниц, уже давно наблюдали эту четвёрку посетителей, сопровождая наблюдение своими высказываниями. Они заметили их, как только те вошли в зал. Внимание обратили вначале на Тайси, бросив друг другу: «Вот же сучка голоногая!» Потом рассмотрели всю четвёрку.

– Вон тот, что старый, – говорила одна, похожая на бочку с квашеной капустой, – тот у них пахан, напротив – сынок-недомерок, рожа прыщавая, как качан капусты, воробьями покоцаный; девчонка эта, с ляжками наружу, похоже, любовница его…

– Не-е, – засомневалась вторая, – дочь это, дочь точно! Ишь, сучка, молоко уплетает, словно так вкусно ей, будто водяру хлещет, а вот тот бычара напротив, тот и любовник!..

– Чей?

– Так её! А пахану-то этому – верняк подельник.

– А-а, да, может, и так, – вроде согласилась первая.

– Что они заказали-то? Знаешь?

– У Петьки спросим. Вырезку какую-нибудь, икру красную, чёрную…

– У нас чёрной нету.

– Ну так Петька подкрасит. Вона коньяк в графин нацедили… А молоко-то, молоко-то как жрёт! Прямо некта-ар какой!..

За этот обед два пассажира, что из посетителей ресторана, успели каким-то образом облиться соком и кофе, один поперхнулся водкой, а четвёртый – гражданин семейный, что-то так долго смотрел и лобызал глазами Тайси что, супруга его не выдержала и так, чтобы было слышно всем прошипела:

– Ты давай, курицу жри, а не эту «тёлку» зенками своими, кобелюга поганый!

Тайси сразу вздохнула глубоко и полной грудью, Виталий обернулся на вопль, а Юрий Петрович, рюмку последнюю опрокинув, произнёс:

– Женская красота, девочка моя, это – великое искусство Господа бога нашего, и как любое искусство, оно требует жерв! Помни это по жизни, Тайсик.

И когда четвёрка, вызывавшая и восхищение и возмущение, покинула ресторан, многие посетители и сотрудники облегчённо вздохнули. Они не знали про искусство Господа бога. Они размышляли более приземлённо – «баба с возу, кобыле легче».

Вернувшись в свой вагон, Юрий Петрович сразу же объявил «испанскую сиесту». Андрей спросил небрежно: «что за фигня?» Тайси сказала, что «эта фигня» есть послеобеденный отдых. Андрей фыркнул, спросил вновь Тайси: «Курить пойдёшь?» После чего и пошёл в тамбур курить в одиночестве. Юрий Петрович скорчил гримасу и сказал:

– А мне с ним ещё почти сутки вместе ехать, представляете?..

– Ну, и что? – не поняла Тайси.

– Как что? – удивился Юрий Петрович. – Надо рассмотреть вопрос об уплате мне процентов за вредность!

Очаровательный руководитель группы на это сказала мягко и тепло:

– Обойдётесь, Вы мужчина сильный и выдержанный.

После чего все разошлись по своим купе.

В купе Романов тоже не стал отказываться от сиесты, взбил подушку и лёг отдохнуть. Тайси села к себе, посидела пять секунд, безразлично поглядывая в окошко, после чего спросила без лишней язвительности:

– Ты всегда на обед «минералку» пьёшь?

– Нет, – без лишней бравады ответил он, – только когда ты на обед пьёшь стакан молока.

– Есть хочешь?

– Хочу.

– Ты больше так не делай, ладно? – попросила она.

– А ты?

– Мы поздно завтракали… и я вообще много не ем… я лучше вечером поужинаю… Я тогда сплю хорошо.

– Фигуру бережёшь?

– Да, берегу, – ответила она сдержанно, – если бы я так не делала, я была бы не такая… А ты больше так не делай, а то смешно просто. Договорились?

– Хорошо, – согласился Виталий. Тут же в коридоре вагона раздалось громко:

– Беляши-и!.. Бито-очки с карто-ошкой!.. Огурцы, помидо-оры!.. Во-ода!.. Пи-иво-о!!.

Романов быстро выглянул за дверь и пригласил «девушку выездной торговли» к ним в купе. Девушка в купе не прошла по габаритам, остановилась в проходе напротив, продала им какие-то «биточки и беляши» и отправилась дальше. Виталий съел биточки и беляши за две минуты. Тайси поглядывала на него, как он глотал свой обед, и незаметно улыбалась. Когда Романов наелся и пластиковые тарелки опустели, она спросила его без ехидства:

– Ты в армии служил?

– Было немного. А что?

– Ешь быстро, не угонишься за тобой.

– Это не армия, – ответил он, – это я по жизни так тороплюсь всегда.

– А служил где?

– На границе, – коротко ответил он.

– Ты пограничник? – удивилась Тайси.

– Нет, – мотнул головой Романов, сворачивая остатки от обеда в пакет, – «Северный флот».

С этими словами он вышел в коридор с пакетом в руках. Тайси проводила его глазами и, когда дверь закрылась, сказала с игривой патетикой:

– Морской волк! Просолёный и обветренный покоритель океана!.. Ж-жуть! Пищите, бабы!

Щёлкнула задвижкой и, пока Романов ходил выбрасывать мусор, переоделась в свой халат.

В соседнем купе Юрий Петрович уже сладко, но тихо похрапывал в послеобеденной дрёме. Андрей накурился в тамбуре до икоты, сидел на своей лавке, локтём в подушку, поглядывая в окно на мелькавшие деревья. Местность здесь уже не представляла собой сплошную зелёную стену. Лесной массив постоянно отходил от железнодорожного пути, и перед глазами открывались громадные луга и поля. Далеко за ними иногда проглядывались серые, невысокие домики. На полях гуляли коровы и, спутанные по ногам, лошади. Часто поля сменяли огороженные участки небольших огородов с ещё не убранной картошкой, и небольшие стада коз, бродившие у заборов. Обычная картинка северной России.

Андрей смотрел полчаса на мелькавшие перед ним ландшафты, щурил глаза на изредка мелькавшее солнце в тучах,

и думами своими был далеко сейчас от всего вокруг. Мысли его всё так и крутились вокруг одного и того же – почему девчонка, что с ними ехала… ехала не с ним? Почему девчонка предпочла его этому Романову? Ну что этот Романов, к примеру, может ей… дать в жизни? Ничего он не может. Просто обычный лось… кабан. Всё-таки бабы – жуткие гадины, могут вот так запросто всё настроение испортить на всю командировку. Нет, надо в Москве поворачивать «лыжи» и пилить куда-нибудь в Турцию, Египет, Израиль, а то и в самом деле в Аргентину, туда вроде как визы не надо. Хорошо, что он взял с собой паспорт заграничный, вовремя взял, разумно. У этого Романова, наверняка, даже заграничного паспорта нет. Не поворачиваясь к своему учителю, не смотря – спит он ещё или уже нет – Андрей внятно, с расстановкой спросил у кого-то в окне:

– Они что… раньше знакомы были?

Юрий Петрович открыл глаза, похоже, не совсем уловив, каким вопросом его разбудили, и спросил мирно:

– Тише сделать?..

– Что тише сделать? – глянул на него Андрей.

– Сладенький храп мой, – пояснил он.

– Да нет, – нетерпимо протянул Андрей, как обычно молодёжь тянет слова, пытаясь показать интонацией своё пренебрежение к сказанному, – я про нашу эту… как её? Тайси? Да?.. Так они знакомы, что ли были?

– Тебе-то что? – совсем удивился Юрий Петрович.

– Да про-осто, – приподнял тот плечи, словно возмущался подозрением шефа, – мне-то что…

Юрий Петрович поднялся с подушки, глянул в окно на мелькнувший домишко с огородом и пояснил:

– Знакомы, не знакомы… Романова я знаю уже лет шесть или больше… парень он тихий и положительный, но лезть ему поперёк не советую.

– Ой-ой-ой!.. – скривился Андрей, но тут же добавил, – Очень нужно. Я же не про вашего Романова?.. Я про нашу эту… Тайси, так? Она-то что? Трахается с ним там, что ли?.. Что в купе-то запираются?..

– Язык придержи, – посоветовал Юрий Петрович, – с кем ей ещё в купе ехать? С тобой что ли?

– А что?.. – скривил тот свой рот от возмущения.

– А ничего, – спокойно ответил Юрий Петрович, – неинтересен ты ей… слабоват в плечах, парень.

Андрей сделал выдох, который свистнул и отвернулся к окну. Оттуда слабовато, зло донеслось:

– Да пошла она… очень надо. Я сам могу о себе позаботиться.

Вернувшись в купе, Виталий прилёг на свою полку, сразу глянув из-под стола на девушку. Тайси сидела всё также – поджав ножки под себя, халат лежал ровно, лишнего не открывал. Романов повернулся на спину, глянул в потолок, там было пусто. Читать не хотелось, смотреть в окно тоже не хо-

телось, а больше делать было нечего.

– Я заметила, – произнесла Тайси, – ты не куришь?

– Нет.

– Совсем?

– Совершенно.

– А курил?

– По детству. В армии бросил. Мешало.

– А у Валеры сколько работаешь?

– А ты откуда его знаешь?

– Я первая спросила.

– Второй год. Как одну газету коммерческую прикрыли в городе, так и работаю. Теперь ты.

– Я его не знаю. Ему просто меня рекомендовали.

– Кто?

– Этого я тоже не знаю, просто мне предложили мои знакомые съездить поработать. Люди они проверенные, я и согласилась.

– Что-то я раньше тебя в городе не видел никогда. Ни на выставках, ни на праздниках городских, ни просто… в толпе «культуры».

– А я скромная. Сидела, работала.

– Ты – как Илья Муромец, – сравнил Виталий.

Тайси от такой параллели даже опешила, потом пододвинулась на постели, выглянула из-за стола, между ними, посмотрела – серьёзно он говорит или нет – и спросила:

– Это, простите, по каким таким меркам?

– А он тоже… тридцать лет на печи лежал, хоронился, потом встал… и всех удивил.

Тайси хмыкнула весело. Изогнулась станом и повернулась к окну, заинтересовавшись, что там снаружи промелькнуло мимо них, туда же спросила:

– А ты ничего не заканчивал… учебного заведения по своей фотографии?

– Нет, – ответил он, глянув на неё мельком, – всё только на практике, под руководством лучших городских мастеров.

– Каких?

– Вряд ли ты их знаешь, никого нет уже. Кто умер, кто уехал.

– А учиться думаешь?

– Думаю, – согласился он как-то не очень уверенно, – всё не придумаю.

– Институтов по твоей специальности нет?

– Не слышал. Институт можно закончить и не по фотографии. Образование, оно и есть – образование.

– И какое образование тебе ближе?

– Гуманитарное.

Поезд стал притормаживать, за окном появились первые здания, явно не деревенского типа. Мелькнула автомобильная дорога со шлагбаумом, за ней потянулся кирпичный забор, длинное, высокое здание без окон, потом всё быстро оборвалось и перед ними поплыл мимо какой-то город. Виталий приподнялся, глянул наружу и сказал:

– Уртяжма. Можно купить для ужина картошки варёной, огурчиков малосольных, пирожков, рыбы жареной-пареной, грибов…

– Отравиться не боишься?

– Всю жизнь покупаю у старушек, – удивился он её вопросу, – никогда, ничего даже в животе не бурчало.

– Давай Юрия Петровича спросим. Если они будут…

Виталий без слов вышел из купе и пригласил к ним Юрия Петровича, на ходу ему объяснив, чем он собирался ужинать. Юрий Петрович без сомнений согласился и, зайдя в купе, сразу сказал Тайси:

– Бабки – они же всё из дома несут. Отрава вся, она в магазинах, на полках лежит. Да и реанимация здесь очень приличная. Поезд остановится, я тоже пойду. Крикнешь?

С этими словами он вышел. Тайси сидела немного задумавшись над последними словами. Потом заторможено поинтересовалась у Романова:

– А зачем нам реанимация?

Поезд к этому времени остановился полностью, и народ в проходе вагона потянулся в к выходу. Виталий быстро стукнул кулаком в дверь соседнего купе и влился в этот ручеёк.

Стоянка поезда была двадцать минут. Народу из вагонов вышло столько, что в одну минуту перрон превратился в «Тверскую» улицу Москвы. Торговцы всякой вкусной снедью ходили между пассажирами и выкрикивали свой товар. Юрий Петрович смотрел всё подряд. Андрей на это лишь

презрительно усмехнулся и купил в киоске чипсов, а к ним и две бутылки пива. Упрятав одну бутылку в карман штанов, что те сразу стали похожи с одного бока на турецкие шаровары, Андрей открыл вторую бутылку о подножку вагона. Сделал это в присутствии проводника – девушки лет двадцати – сделал легко и совсем наплевательски ко всему окружающему его пространству сразу. Девушка сказала ему не так громко:

– Постеснялись бы при детях пиво пить, молодой человек!

– Куда? – повернулся к ней Андрей, тут же достал свой телефон, посмотрел на дисплей, презрительно хмыкнул, – Что за дыра! Сети опять нету!

Она только головой мотнула. Андрей, разорвав зубами пакет с чипсами и выплюнув как можно более прилюдно уголок пакета под вагон, перевернул бутылку пива вверх дном и присосался к нему надолго. Пузырьки воздуха в бутылку не шли, терпкая влага тянулась плохо. Пить из горлышка Андрей не умел совсем. Девушка увидела это и усмехнулась по-девчачьи насмешливо. Андрей увидел. Опустил бутылку, прямо из пакета взял губами одну чипсину, посмотрел на проводника как на предмет неодушевлённый и сказал так, как бы и говорил с предметом неодушевлённым:

– Зарок давал – в поездах не таскаться. Но с этой работой… Задолбала эта конура с лавками.

Сказал и сплюнул смачно вновь под вагон. Девушка опять усмехнулась, опять так же весело и по-девчачьи. Андрея это

вывело из себя, он удостоил её внимательным взглядом и уже ей лично проговорил хамовато:

– Больше ничего не умеешь? Так и проживёшь с хихишками.

Потом отвернулся и стал сосать бутылку с пивом дальше.

Вместе с Юрием Петровичем, Виталий купил в дорогу у одной бабушки верёной картошки «в мундире», малосольных огурцов, вяленого леща, всякой зелени и домашних пирожков. Юрий Петрович по характеру своему пробовал торговаться за каждый рубль, но выходило это плохо, бабушки торговали и так дёшево. Виталий упрятал всю продукцию в пакет, увидел Андрея с пивом, ткнул Сидельникова в бок и кивнул на его ученика:

– Гляньте, Юрий Петрович, как ваша молодая смена законы российские нарушает, пиво в общественном месте…

– Мерзавец, – проговорил тот не очень злобно и пошёл прямо к Андрею.

Было видно, как он повернул к себе Андрея за плечо, как тот пытался возмутиться, потом просто ушёл в вагон, но бутылку с пивом держал как флаг победы. Юрий Петрович вернулся к Романову, проговорил в сердцах:

– Он мне сказал, что это не моё дело, если заберут, то заберут в ментуру его, а не меня. А? Хам.

– А что ж тогда подействовало?

– Как всегда. Сказал что отцу сейчас позвоню.

– Вот как, – кивнул Романов, – не такой он получается и

независимый?

– Куда там!.. Щенок с намордником для волкодава.

Романов глянул на Юрия Петровича несколько даже растерянно от такого сравнения.

– В смысле, что хвастаться-то ему больше нечем, как родителями, но они же и его самый большой ограничитель, его страх и ужас. Глянь, вон бабка помидорчики потащила, а?.. Красненькие. Под водочку, Виталь?.. Бежим!

Наконец всё было куплено и они направились в вагон обратно, но здесь в тамбуре вагона показалась Тайси. Тайси вышла в своём халате. Ничего особенного в том, что она вышла в халате, не было. Очень многие мужчины и женщины бродили по перрону в трико и халатах, но… Едва её нога в босоножке на шпильке ступила на первую ступеньку вагона, как тут же, рядом с ней появилось в один миг с полдюжины мужиков. Мужчины не то что помогли ей спуститься на перрон, они почти снесли её на землю. За три эти секунды успели поинтересоваться, далеко ли она едет, с мужем или одна, в этом вагоне в гостях или дома, где такие девушки живут и есть ли у неё мобильный телефончик. Один дядя был так любезен, что предложил ей свой мобильный телефон в подарок, сказав, что у него есть ещё и второй… пользуйтесь. Тайси, мило улыбаясь, ото всего отказалась, сказав громко и как-то озорно:

– Где-то здесь мои мужчины потерялись?

Тот, что предлагал телефон, сразу руку с телефоном убрал

и спросил несколько ошеломлённо:

– Сколько ж их у Вас?

– Трое, – протянула Тайси.

Мужчины стали таять на глазах, как шоколад в горячих женских пальчиках. Наконец Тайси осталась одна и сквозь толкущийся народ увидела Романова с Юрием Петровичем. Тайси помахала им рукой. Когда они подошли, она глянула на покупки и спросила всё так же весело, спрашивали ли они у бабушек справку из санэпидемстанции? Романов достал из кармана ветровки какую-то бумажку, быстро, небрежно показал ей и ответил:

– Как это ты умудрилась до сих пор в такой одёже целой остаться? – и кивнул на короткий халатик.

– Так, едва и не порвали, – возмутилась она плутовато, – только из вагона выглянула, так сразу и потащили на руках… десять человек. Еле-еле вырвалась… ты же меня бросил одну, – последнее было сказано с лёгкой, игривой укоризной.

– Где наш мальчик? – быстро перевёл тему Юрий Петрович, уловив нарастающий «семейный» конфликт.

– В вагоне стоит, в проходе, – сказала Тайси, – как Аполлон.

– Бельведерский? – опять слегка небрежно уточнил Романов.

– А как стоит Бельведерский? – Тайси спросила быстро, иронично, похоже пытаясь поймать Романова.

Романов вытянул правую руку чуть вниз назад, а левую

вперёд, в сторону, словно в ней бутылку пива держал. Так стоял до тех пор, пока Юрий Петрович и Тайси не оценили воспроизведённое им творение. Тайси улыбнулась снисходительно и сказала:

– Похоже. Сразу видно человека, знакомого с творением греческого скульптора Леохара.

Здесь вокзальный мегафон пробубнил женским голосом отправление их поезда. Тепловоз дал резкий гудок, зашипели отпускаемые тормоза. Пассажиры быстро поднимались в вагон. Тайси отказалась от услуг незнакомых мужчин, позволив поухаживать за ней Романову. Он вновь, как и в Северске, взял её за талию и поставил в тамбур минуя все ступеньки. Едва все пассажиры вошли, как состав очень медленно покатил от перрона.

Через десять минут поезд мчался дальше, оставляя далеко позади себя город Уртяжму. День угасал. Небо блекло, темнело. Раз от разу, в мелькавших домишках вспыхивали жёлтые, неяркие лампочки. Вагоны мотало по сторонам, люди, кто не успел ухватиться за поручни, бились лбами, толкались в проходе с кипятком в стаканах и раз от разу костерили машиниста тепловоза вместе со всей российской железной дорогой.

Романов какое-то время стоял в проходе, смотрел на проносившиеся мимо леса, поля и речки, деревушки русского севера, подмечая, что в этих местах на трассах и просёлочных дорогах иномарок становится меньше, повсюду «лады»

да «волги», «УАЗы» да трактора. Романов стоял в проходе один. Он пытался немного анализировать прошедшее время в пути, своё отношение к девушке и её отношение к нему. Пока выходило неплохо. Тайси совсем не обращала внимания на Андрея, не обращала внимания ни на кого из пассажиров, как это любят делать симпатичные, обаятельные девчонки, любуясь собой и купаясь в восторгах и внимании мужчин со всех сторон. Тайси вела себя не то чтобы скромно, а просто строго. Это и радовало, и… заставляло немного задуматься. Если так, значит без истинного ухаживания не обойдёшься? А хочет ли он такого ухаживания? Романов на мгновение от таких раздумий даже зрительную связь с окружающим пространством потерял, что проносилось мимо за окном – не видел; кто говорил, мимо проходя, – не слышал; хочет ли он такого ухаживания?..

– За любовь думаешь? – спросили сзади.

Романов очнулся, обернулся – за ним в открытых дверях купе стояла Тайси. Она смотрела на него, как обычно, чуть сощурив глаза, словно буравила взглядом, словно хотела забраться в голову и почитать там всё, что для неё было интересно.

– Так ты не ответил? – сказала она.

– Я не слышал.

– Значит, за любовь думал, – утвердительно сказала она, – я спрашивала – в ресторан пойдём?

– Я не хочу.

– А друзья наши?

– Не знаю.

– Спроси, – подсказала Тайси.

– А сама? – ответил Романов столь же иронично со скрытым сарказмом.

– Сама? – спросила Тайси мило, – Хорошо.

Она постучала в купе Юрия Петровича и Андрея, тут же двери открыла и сразу же выложила, тоном капризным, но командирским:

– Мы в ресторан не идём. Романов в меня влюбился по уши, сейчас ревнует ко всем подряд и требует от меня романтический ужин на двоих в купе. Если что, Юрий Петрович, я в стенку начну стучать, ладно? Он хороший, но я его боюсь, а вы, если хотите, можете идти вдвоём… – здесь она напор сбавила и спросила вновь мило. – Я всё понятно сказала?

Юрий Петрович очнулся и проговорил:

– Да уж куда понятнее! А можно нам с Виталькой по сисим грамм? Потом забирай его хоть до утра!

– Вы с ума сошли! – театрально воскликнула Тайси, – Куда мне потом с ним, с пьяным? Он трезвый, как вепрь, неукротимый!..

– Вепрь, – тут же из купе донеслось ехидным голосом Андрея, – это такой сорт кабанов диких. Свинья мужского рода.

Здесь Юрий Петровчи в проход выглянул, а Тайси ухватила двумя пальчиками Романова за пуговицу на сорочке,

потащила прилюдно его за собой в купе, говоря громко, отчётливо:

– Ну пошли, дорогой… Что упираешься? Ножки не держат?

В купе она двери закрыла, пуговицу его отпустила, села на своё место, глянула хитро и весело на него снизу, сказала:

– Понравилось? Вот теперь Андрюшке тема!.. Вот уж даст себе волю меня перелопатить со всех сторон! Ха-ха… смешной такой!

В ресторан в этот вечер они не пошли к большому неудовольствию Андрея. Он и в самом деле состроил недовольную мину на лице, хмыкнул неопределённо-лично в сторону Тайси, сказал кому-то в окошко:

– Интересно! Если она не хочет, почему я должен из-за этого терпеть неудобства?

Юрий Петрович мигом на него глянул и сказал:

– Не терпи. Удобства в конце вагона. Донесёшь?

Оставшись вдвоём в купе, Тайси достала какие-то бумаги, очень похожие на деловые записи и стала их просматривать. Виталий сел на своё место. Ему заниматься было нечем. Читать детектив особого желания не было, детектив был несколько смурной, интрига раскручивалась слабо, динамика постоянно разрывалась авторскими рассуждениями, совсем ненужными, совсем ничего не дающими, как будто автор желал несколько выделиться на фоне своих героев сво-

ими размышлениями на темы криминального мира, темы героизма и отваги. Виталий посидел немного в тишине, ожидая, что Тайси первая что-нибудь спросит, или заинтересуется его мыслями, он даже лицо состороил мыслящее… состороил и отвернулся беспечно и безынтересно в окно. За окном всё также летела мимо зелёная масса русского леса. Лес стоял такой густой и непроходимый, что впечатление было не деревьев, а какой-то стены… зелёной и ветвистой. Романов так долго и трудолюбиво смотрел в окно, что увлажнились слезой глаза, смотрел так старательно, что даже успел вычислить по столбам скорость движения поезда, выходило под девяносто километров в час шли… Наконец он не выдержал, бросил лёгкий, мимолётный взгляд на Тайси, которая читала записи с увлечением гимназистки, страдающей над женским романом, и спросил, не очень проявляя интерес, а больше из деликатности:

– Наши служебные задания?

Тайси оторвалась от листков бумаги, посмотрела внимательно на Романова и в глазах её он ясно прочитал, ей было несколько смешно, смешно над его вопросом, смешно над его поведением, смешно…

– Хочу просмотреть ход нашей работы, – сказала она, не отрываясь от Романова глазами, – что в первую очередь на теплоходе необходимо сделать.

– Это Валерка тебе дал?

– Это Валерке заказчик дал… – ушла она опять в бума-

ги, – а он уже нам. Подробное указание, что его интересует на берегах великой русской реки Волги.

– Твою родину историческую будем проезжать? – спросил Виталий.

Тайси вновь внимательно взглянула на Романова. Глаза её теперь смотрели на него заинтересованно, казалось она очень желала спросить– тебе какой интерес?..

– Будем. И не только историческую, я там и родилась, – ответила она.

– Ты в маму или папу?

– В маму, – ответила Тайси, уводя глаза в бумаги.

– Бедный папа, – пожалел Романов.

– В смысле? – насторожилась она, но глаз не подняла.

– Жить сразу с двумя такими… – Романов не договорил, Тайси поняла, о чём речь и прервала его.

– Папа не бедный, – ответила она, не меняя задумчивой интонации, и, не поднимая на него головы, – папа был настоящий мужчина. И погиб, как настоящий мужчина. Не спрашивай.

– Извини.

– Ничего.

– На твоей родине остановка будет?

– Будет, – сказала она, – наверное, мы с тобой займёмся видами городов, а Юрию Петровичу отдадим теплоход с матросами.

– Мне кажется, – не очень уверенно сказал Виталий, – что

весь этот заказ фотомастер мог выполнить и один. Странная у нас команда.

– Это кажется, – ответила она сразу, – остановки не такие большие на берегу, везде не успеем, а он вот здесь хочет и храм преподобного Серафима и грузовой порт – это совсем в разных сторонах города, один человек не успеет. Похоже, заказчик неплохо знает места. Не оплошать бы, – глянула Тайси на него.

– Не оплошаем.

– Такой ты мне больше нравишься.

– Вот как? – явно удивился он, – Иногда мне кажется, что я вообще не могу тебе нравиться.

– Остынь, – предупредила Тайси, – не заводись. Мужчины красивы тогда, когда они спокойны и уверенны. Суету и нервотрёпку оставьте нам. Ладно?

И глянула на него вновь весело и лукаво. Романов тут же доложил:

– Ты, когда на меня так смотришь, мне кажется, что хочешь меня совратить… – он запнулся, не договорив. Тайси оторвалась от бумаг, глаза её стали злыми.

– А что – не получится? – спросила она.

– Я же не о том… я… у тебя отношение ко мне десять раз на день меняется.

– Отношение к тебе меняется тогда, – поучительно говорила она, дальше просматривая бумаги, – когда у тебя меняется поведение. Ты иногда, как наш Андрюшка, пытаешься

завоевать внимание девушки идиотскими высказываниями и выходками. Это делает тебя так же смешным.

– Я могу вообще на тебя внимания не обращать, – произнёс Романов немного холодно, – хочешь?

– Вот про это я и говорила только что: либо идиотское высказывание, либо…

– А Андрюшка твой, – вдруг раскалился, не зная даже, от чего, Виталий, – когда говорит идиотские высказывания… как выглядит? Нормально?

– Андрюшка только-только в жизнь входит, – произнесла разумно Тайси, – пусть себе наслаждается первой независимостью в жизни. Много ты ездил в его восемнадцать лет по России?

– В восемнадцать лет, – серьезно ответил Виталий, – я Родину нашу защищал в строю Северного флота! И независимость свою получал несколько в других условиях. В штормовых ветрах и обледенелой одежде!

– Вот за это ты мне и нравишься! – быстро сказала она и долго-долго смотрела ему в глаза, – Теперь мы в тепле, уюте и главное… сухо!

Романов остыл в момент, прилёг на полку свою, глянул в потолок, бесцельно спросил:

– Ты танцевать любишь?

– Какая женщина не любит танцевать, Виталь? – удивилась она, вновь от бумаг отстранившись на секунду, – Когда поплывём на пароходе, пойдём там в ресторан и потан-

цуем… если пригласишь.

– Только ты наденешь приличное платье, – то ли попросил, то ли потребовал он. Тайси на мгновение остановилась.

– А что… я здесь хожу в неприличной одежде?

– Я имею ввиду длину, – уточнил Романов.

– Платье до пола тебя устроит?

– Да!

– Договорились, – хитровато закончила она, здесь же мигом, – договорились?

– Да. Только пароходов сейчас нет. И по воде ничего не плывёт, кроме… сама знаешь чего. А по кораблю ходят… и корабль тоже ходит – по морю или по реке. Так что пойдём мы вниз по реке на теплоходе.

– На теплоходе, на теплоходе, – тут же ласково и нежно повторила она быстрым голосом, – не поедем, а пойдём! – вздохнула тяжко и заключила, – Как скажете… милый.

Романов вздрогнул.

Андрей «бельведерский» возлежал на своей полке, попивал пиво, вторую бутылку, хрустел сухариками и размышлял об их поездке, пытаясь в свои размышления вовлечь Юрия Петровича. Тот сидел за столом и бесцельно поглядывал в окно, похоже, совершенно не желая беседовать со своим учеником.

– Вот что ей может дать этот Виталий? – спрашивал он у потолка и одновременно у Юрия Петровича. – Что? Может,

хорошую перспективу на будущее? Нет. Может, хорошее место в мэрии? Нет. Может, что-то полезное в карьере? Нет. Просто так… потаскаться с мужиком по постелям, да и всё! Ну, и что вот так потаскушкой жить?.. Надо же думать о будущем, правильно? Нет, ну правильно? – приподнялся он на локте и глянул на шефа.

– Неправильно, – ответил тот неохотно.

– Почему? – удивился Андрей так искренне, что едва не облился своим пивом.

– Потому что завидуешь и злобишься.

– Мне-то что завидовать? – полезли брови у него вверх. – У меня карьера обеспечена, я на следующий год еду в Москву, в институт… отец зимой поедет устраивать там все дела.

– А в фотографию на хрена полез тогда? Лучшего места, чтоб перезимовать, не нашёл?

– Просто хочу научиться, – ответил Андрей со знанием дела, – сейчас очень модно становится ходить на всякие такие выставочки, вернисажики… надо же уметь разбираться, правильно? Равновесие кадра, перспектива…

Юрий Петрович что-то пробурчал и полез в куртку, висевшую на стене, доставать сигареты. Андрей вновь приподнялся на локте, переспросил:

– Я не расслышал, Юрий Петрович?

– Я сказал, – громко проговорил тот, – пошёл ты! Вместе со своей карьерой, вернисажиками и перспективой вместе!..

И вышел из купе, сунув сигарету в рот. Андрей так и

остался полулежать на локте, глядя шефу вслед.

Начитавшись служебных параграфов, Тайси аккуратно сложила все бумаги в одну папку, папку положила к себе на полочку, откинулась назад, уперевшись за собой ладошками и тоже стала рассматривать пролетающую стену зелени за окном. Казалось она сейчас что-то обдумывала. Размышляла над тем, что только прочитала, чуть ли не выучила наизусть и теперь анализировала, делала какие-то выводы для их будущей работы. Романов краем глаза видел, что девчонка освободилась, но вида не подал. Он сидел за столом, подперев щёку ладонью и всё считал да считал пролетающие столбы. Между каждым должно было быть двадцать пять метров, четыре столба – километр, сорок десять километров, за сколько прошли?.. Значит скорость нашего поезда… уже под сотню.

– Витасик, – нежно, но сразу и лукаво донеслось от Тайси, – ты после нашего заказа куда собираешься поехать?

– Я ещё не решил, – ответил он, не глядя на неё, – может к матери, может, в Среднюю Азию, так хотел ещё вчера.

– А теперь ты передумал… и хочешь поехать куда-нибудь со мной?.. – внезапно заключила она.

Романов руку убрал, повернулся к Тайси.

– С чего это? – опешил он.

– Просто, – сказала она совсем просто и непосредственно, – ты та-ак меня ревнуешь ко всем подряд, а особенно к

нашему юному коллеге Андрюшке, что я подумала, вряд ли ты меня куда-то теперь отпустишь одну…

– Ты книжки не пробовала писать? – прервал её Виталий иронично и колко. – Романы женские? Оперетки?

– Не-ет, – вновь потянула она, – зачем мне книжки писать?

– Не знаю. Но у тебя бы получилось, – уверил он серьёзно, – хорошая фантазия и динамичное развитие сюжета.

– Я пробовала писать картины. Говорили, что очень даже получается «А хорошая фантазия моя – всего-навсего твоё поведение.

– Вот ты же прицепилась за моё поведение, – мужиковато посетовал он, – я пригляжу за своим поведением, – пообещал тут же, – тем более скоро мы, надеюсь, пересядем на теплоход? Там каюты будут разные? Или нет?

– Разные, – ответила она, – у каждого своя.

– Вот и прекрасно, не будет у тебя лишнего повода подмечать что-то за моим поведением.

– Неужели не хочешь? – искренне удивилась она.

– Надоедает.

Тайси ничего не сказала, и было видно, что не сказала потому, что не захотела, и даже более того – несколько оскорбилась его словами. Виталий тоже смолчал, но сразу же уловив свою ошибку попробовал найти какой выход. Сразу выход не нашёл, смотрел в окно – мимо летели луга, лес отошёл далеко за горизонт. Невдалеке, не очень быстро, про-

плыли пара коров, пара овец, мальчишка-подросток с кнутом и рядом на копне сена такая же подросток-девчонка. Романов мигом подметил и нейтрально сопроводил:

– Луга, трава, цветы, козы, овцы, девчонки, мальчишки… одинокое деревце… Прямо картинка из какой-нибудь пастушечьей сцены Франсуа Буше.

– Ой, мама дорогая! – Тайси естественно изумилась, – Какие познания! Мы знатоки французской школы времён Людовика Пятнадцатого?

Эта фраза сразу сбила Романова с мысли. Он и знать не знал, в какие времена, при каком короле жил художник Франсуа Буше, потому как картину эту видел один раз в Эрмитаже и просто почему-то запомнил имя живописца.

– Разве Буше был только у Людовика Пятнадцатого? – спросил он так, словно знал, о чём говорил.

– Ах, ах, – сразу же ворвалась Тайси в свою сферу, – дорогой Витасик, Буше был так называемым «первым живописцем» короля Людовика Пятнадцатого и маркизы де Помпадур! Да, да, мой дорогой, той самой знаменитой де Помпадур; а холст, который ты упомянул был, создан Франсуа Буше в конце сороковых годов восемнадцатого века. Идеализированная природа, любовные волнения, театральные пастушки и всё прочее, что было модно при дворе короля.

– Так я…

– Кстати, – не дала ему опомниться Тайси, – знаменитый Дени Дидро однажды воскликнул по поводу картин Буше:

«Всё есть у этого человека, нет только правды!»

– Так я… – начал Витасик.

– А вот я бы, – вдруг сменила она тему, – всё бы отдала за то, чтобы нарисовать, как цветёт лотос.

– Почему лотос?

– Не знаю, – она немного успокоилась, – это как-то изнутри. Это вот пришло однажды и поселилось во мне навеки, теперь маюсь с этой мыслью. Думаю, как бы осуществить.

– Наверняка этот лотос цветёт во всех оранжереях.

– Ты о чём, Витасик? – пожалела она его. – Ты о чём? Я что – сумасшедшая, писать цветение лотоса из оранжереи?..

– Извини, не подумал. У нас на севере лотос точно не цветёт.

– И здесь не цветёт, – искренне сказала Тайси, глянув в окно.

– Вот уж не повезло, – согласился Виталий, – а на твоей родине цветет лотос?

– На моей родине… – пропела она в окно, – конечно, на моей родине лотос цветёт, только найти его невозможно.

– Это почему?

Тайси в мгновение сменила настроение, взглянув, на Романова, вновь насмешливо, и быстро, ответила весело и задиристо:

– Прячется! От таких мужиков, как вы все! Порвёте цветы на подарки для своих баб и не задумаетесь, что есть такая красота, которая в кухнях и спальнях стоять не может!.. Для

лотоса обычная вода болотная – самый дорогой хрусталь, а самый дорогой хрусталь – обычное болото! Вам же до этого дойти, как на луну запрыгнуть. Правильно?

Романов мысленно повторил что она сказала «Губы его прошептали болото, хрусталь, хрусталь, болото… Губы дугой изогнул, уголки рта вниз оттянув, как будто недоумевая, что здесь особенного, и плечами пожал. Ответить ничего не ответил, потому ответила за него Тайси:

– Витасик, понять это одним сопоставлением слов невозможно.

– Тогда подскажи, как возможно? – вроде и попросил он, но слегка раздражённо. Ссориться из-за лотоса, которого Виталий в жизни никогда живым и не видел, совсем не хотелось.

– Понятие красоты, Виталий, – серьёзно подсказала она, глядя на него внимательно и очень заинтересованно, – иногда не поддаётся обычному взгляду хищника. Есть такие в жизни понятия и предметы, которые на первый взгляд совсем обычные, а глянешь внимательней – совсем и не поддаются нашему приземлённому мировоззрению. Тот же лотос… ведь цветок-то и обычный, видел, нет?

– Не видел.

– Ой, как ты сейчас хорошо признался, – удивилась она, – так вот, простым людям он обычный, а если задуматься – выходит из болотной тины цветок… – Тайси проговорила это куда-то вдаль, смотря сквозь стену, словно за стеной что-то

видела такое, одной ей известное и понятное, Виталий терпеливо слушал, сразу же понимая, что объясняют ему то, что своими мозгами он постичь не может.

– Выходит цветок из грязи болотной тины необыкновенной чистоты… чистоты белого цвета… понимаешь? – глянула она быстро ему в глаза, – Казалось бы, как так можно? А в этом-то и всё: очарование, волшебство, красота, символ, вплоть до обожествления. Рос бы он где-нибудь в поле чистом… так и что?

– Ну а ты где видела, как цветёт лотос? – спросил он с лёгким ехидством.

– В дальневосточной тайге, – ответила она и вновь как ушла куда-то вдаль, сквозь окно вместе со своим отстранённым взглядом.

Романов взял свой детектив, открыл на любой странице, прилёг на подушку и закрылся им от девчонки. Подумаешь, мелькнуло у него в голове – в дальневосточной тайге она была! Лотосы наблюдала! Он вон в Баренцевом море шторм в восемь баллов на десантном корабле наблюдал! Знаете, как интересно?»

Поздним вечером состав подошёл к городу Вологде. Пассажиры послушно высыпали на перрон. Юрий Петрович был в толпе и уже с сигаретой в зубах. Он быстро прошёл к ближайшему киоску с пивом и прикупил там себе пару бутылочек на вечер. Андрей от него не отставал и за пивом устре-

мился почти следом. Купил Андрей три бутылочки пива. Тайси и Виталий стояли в проходе вагона, смотрели на перрон через окно. Выходить наружу не хотелось. Тайси увидела Юрия Петровича с пивом, потом Андрея с тем же товаром, кивнула на них и спросила Романова:

– А что же ты отстаёшь от товарищей? Или ты пиво не пьёшь?

Виталий пожал плечами, подумал и ответил:

– Да перегар от него… купе маленькое. Зачем девушку мучить?

– Джентльмен, – негромко похвалила Тайси.

Помирились, – подумалось Романову.

После Вологды состав полетел ещё быстрее прежнего. Юрий Петрович и Андрей ушли сразу к себе употреблять пиво. Тайси немного почитала свою книгу, посмотрела в тёмное, непроглядное окно, где чёрнота ночи раз от разу пробивалась огнями человеческого жилья и станционными фонарями, да и засобиралась ко сну. Набросила полотенце на плечо, взяла с собой какие-то принадлежности, обулась и попыталась открыть дверь. Дверь ухнула железом в пазах, но с места не сдвинулась. Тайси попробовала ещё, но дверь не поддалась. Виталий увлечённо читал книгу, наконец сдвинувшись со своей «вечной» страницы и, казалось, не замечал её. Тайси глянула через зеркало на него и капризно попросила:

– Может поможешь девушке выйти?

Романов приподнялся, не вставая с места, рванул ручку на себя и дверь послушно отъехала в сторону.

– Спа-асибо! – сказали ему вредненько.

Тайси вышла, Виталий подумал:

– Может, целоваться полезть? Или рано? Вторые сутки вместе едем…

Тайси скоро вернулась, Витасик глянул на нёе сквозь книгу, прикинул в уме: приставать – не приставать? И решил подождать. Вид у девчонки был, хоть и весёлый, но какой-то решительный.

– Представляешь, – возмущённо сказала она и бросила полотенце на полочку, – только выхожу из… в тамбур значит, какой-то мужик стал так нагло приставать, приглашать к себе – я дала ему по морде! Он отстал, но сказал, что подойдёт сюда на разборки… кажется, пошёл друзей своих звать, – последнее слово она произнесла, совсем сникнув голосом и опустив глаза. Сразу села на свою постель и сложила руки на коленях. Романов убрал книгу, поднялся. Вздохнул, как богатырь русский, и полез в карманы своей летней куртки, что висела здесь же у двери.

– Что ты ищешь? – спросила Тайси.

– Револьвер, – ответил он, – мы же должны защищаться? Он же с бандюганами придёт?

Тайси выпучила глаза, как от испуга, сказала тихо:

– У тебя есть револьвер?

– Не отказался бы… ты же вечно вляпаешься во что-ни-

будь, а нам потом отдувайся за тебя!

– Ну, я же ничего не сделала! – удивилась она, – Я просто…

– Ты просто вышла в своём халате и нашла себе приключений! – рассказал он. – Я же тебе говорил насчёт этого…

Здесь Витасик протянул руку к ней, схватил в сердцах за полу халата и потормошил за неё, как в доказательство. Халат чудным образом сразу разошёлся в стороны, по двум нижним пуговицам, и Витасику предстало прекрасное беленькое бельё девчонки… Секунды две они вместе рассматривали её трусики, потом Тайси резко запахнулась, села на постель, захлестнула себя одеялом и чуть не крикнула:

– Да ты такой же маньяк, как и все остальные!..

– Да я случайно, – улыбнулся он, показывая, что ему очень понравились его же действия и последствие.

– Маньяк! Невоздержанный тип!.. Фу!..

– Почему сразу «фу»? – удивился Виталий мирно, – Мне так не «фу». Мне даже понравилось. Красивое бельё.

– Фу!.. – сказали ему, ещё больше натягивая на ножки одеяло, – Ты ещё не вышел из школьного возраста! Всё бы подсматривать!

– Просто у тебя одёжка такая… расстёгивается при первом прикосновении.

– Что-о?!. – вскочила она, сбросила одеяло и села. – Как ты…

Здесь от возмущения Тайси сдёрнула с себя одеяло, вроде

как желая подняться и ещё и Витасику перед сном по морде надавать, но вместе с одеялом с неё вновь слетели полы халата и она вновь предстала перед ним в своём прекрасном «дезабилье». Теперь глаза вылезли у Витасика и остановились всё там же. Тайси запахнулась, не найдя, что сразу сказать на свою оплошность и вновь легла на подушку. Витасик воскликнул:

– Ну, я же говорил!!! Я же говорил! Одёжку такую носишь, что сама расстёгивается!

– Хам! – сказали ему в ответ, – Не желаю больше с тобой разговаривать!

И девушка завернулась в одеяло полностью, скрыв свою прелестную мордашку. Витасик сказал с выдохом: э-эх! И лёг обратно, взяв книгу в руки. Чтения не получилось. В глазах стоял один и тот же кадр. Однако долгого молчания между ними не случилось. Тайси уже в следующую минуту вскочила, села и быстро, обличительно проговорила, словно боялась, что её остановят:

– У тебя так глазищи из орбит вылезают, что я просто боюсь с тобой ехать дальше, ты просто маниакально смотришь на женщину! Ты не можешь держать свои вожделенные чувства при себе, как должен мужчина! Ты распущен и похотлив, как мартовский кот! Ты… ты… – она здесь охнула, словно что-то только что разгадала, – ты бабник!!! Теперь я тебя поняла. Поняла бы раньше, ни за что бы не согласилась с тобой ехать в эту командировку!

– У тебя хороший вкус, – нахально похвалил всё сказанное Виталий, – я про бельё.

– Нахал! – донеслось из-за стола, и Тайси отвернулась к стенке.

– А твоя горячность и женская нетерпимость к подобным ситуациям так просто возбуждает.

– Мерзавец!

– Ты очень большая индивидуальность.

Тайси промолчала.

– Потому нравишься всё больше, – договорил он, – я бы даже целоваться полез, но…

– Негодяй! – выпалила она быстро, вновь повернувшись, – Только попробуй!

– Ну, хорошо, – покладисто согласился он, – сегодня не буду.

– Маньяк, маньяк! – обличили его. – Не мешай мне спать! Не мешай мне спать своими глупыми, дурацкими разговорами!

– Спокойной ночи, – пожелал он. В ответ ничего не сказали. Потом Тайси как будто очнулась, и купе наполнилось вновь её возмущением:

– Мужик! Невоздержанный, похотливый мужик!..

– Сегодня это не совсем плохо.

Чтение книги у Виталия вновь застопорилось. Он смотрел на строчки и ничего не видел. Как-то в голове всё одна и та же картинка крутилась. И никуда от неё не деться! Краси-

вая картинка! Может, немножко стыдливая для одной стороны общения, но для другой – так просто находка. Подержав книгу минут пять, он подумал, что Тайси уже уснула, отложил детектив на стол, заложил руки за голову. Хорошо, что целоваться не полез сегодня. В этих обличениях несколько просквозила холодность. Даже какая-то искренность, вместе с игривостью. Хамить и в самом деле нельзя.

Он отложил книгу, повернулся на бок, глянул под столом на Тайси и увидел, что она также лежит на боку и под столом смотрит на него… Виталий слегка оторопел, потом спросил:

– Ты не спишь?

– Конечно нет, – бросила она сразу же, – ты так сопишь от своих мыслишек поганых, что уснуть просто невозможно.

– Извини, я не хотел.

– Ну да, я заметила.

Он поднялся, потушил свет, оставив ночник, разделся и лёг под одеяло. Молчали не долго.

– Если ты подумал сейчас, что я за тобой подглядывала, – так внезапно произнесла Тайси, что Виталий чуть с полки не упал, – то, когда ты… готовился ко сну, я закрыла глаза и так лежала, пока ты не засопел на подушке.

Романов не нашёлся, что ответить на эту глупость, а Тайси внезапно расхохоталась на всё купе и даже громче.

– Витасик, – сказала она тут же ласково, похвально, – ты так внимательно иногда слушаешь полную и очевидную дурь, что даже становится как-то не по себе.

– Что ж сделаешь, – посетовал тот, – нынче руководителей не выбирают… какой достался.

– Вот же поганец! – горестно произнесла Тайси, перевернулась на спину, – И как с тобой работать, спрашивается?

Романов смолчал, понимая, что разговор на эту тему к желаемому результату не приведёт. Тайси очень быстро попросила негромко:

– А расскажи что-нибудь про себя.

На какую-то секунду Романов хотел эту просьбу использовать для себя, в личных целях, постараться, к примеру, подвести разговор под ту тему, которая… Однако, так ведь можно и оттолкнуть от себя человека, можно в один миг разрушить то доверие, которое она сама между ними и выстроила? Романов решил не торопиться. А потому надел на своё лицо, которого видно и не было, маску полного безразличия.

– Жизнь моя скучна и однообразна, – ответил он уклончиво, – всё серо и обыденно. Нечего рассказывать.

– Расскажи, как живёшь, – предложила она.

– Да так же.

– Какой-нибудь интересный случай?..

– Сидим мы как-то с бабами… – начал он сразу.

– Нет, нет, – тут же воскликнула она, – про это не надо, что-нибудь другое?

– А по-другому не получится, у меня всё с бабами.

– А-а, – горестно глянула она на него, вздохнула и упала назад на подушку, – вот мы, значит, какие? Всё с бабами?

Виталий закусил губу, похоже, перебрал.

– А цель в жизни у тебя какая-нибудь есть?

Витасик хотел сразу ответить да осёкся, потом сказал:

– Конечно, есть.

– Тоже с бабами? – спросила она тихо.

– Нет. Но я об этом говорить не хочу. Сглазить боюсь.

– Суеверный?

– Немного. Как все.

Она вытянула руки перед собой, сцепила в замок и склонив голову на плечо, вновь под столом его спросила:

– От жизни что бы ты хотел?

– Слишком общий вопрос, – ответил Витасик.

– Мечтал много?

– Достаточно.

– Сбывалось?

– Практически нет. А если и сбывалось, то…не так, как мечталось.

– Знакомо. Говорят, человек живёт до тех пор, пока есть цель на будущее.

– А потом?

– Потом? Доживает. Ты не знал?

Потом было как-то очень тихо. Вагон качало на скорости. Перестук колёс заглушал все звуки, мимо неслись встречные составы со своим призывным гудком, да очень редко, где-то в коридоре вагона, в очередной раз хлопала дверь в тамбур.

Сон не шёл, и Романов, лёжа на спине, рассматривал как по потолку раз от разу быстрее проносятся жёлтые пятна света от проносящихся мимо станций. К ночи похолодало. В купе было тепло, но через минут пять Виталий услышал, что Тайси вроде как шмыгает носом. Вначале это показалось смешно. Романов подумал, может ослышался? Привстал, глянул на девчонку – та спала и спала похоже крепко.

В ночи время летело так же быстро, как столбы у дороги. Локомотив гнал вовсю. Опоры линий электропередач мелькали, как спички. Состав летел с курьерской скоростью. Только разъезды успевали щёлкать под колёсами вагонов. Только одинокие в ночи женщины, измождённые, замордованные работой, стояли с жёлтыми флажками, подтверждая, что путь для «скорого» свободен. Поезд нёсся, как очумелый, даже не притормаживая на поворотах. В вагонах людей мотало на полках из стороны в сторону. Виталий поднялся с постели, подставил руку к окну над головой Тайси – оттуда сквозило сентябрьской свежестью. Полка Тайси находилась по ходу движения поезда. Девчонка съёжилась в маленький калачик, но просыпаться и не думала. Иногда носик её шмыгал и при этом комично морщился. Виталий свернул свою постель в рулон, положил её на стол, взял, осторожно и бережно, Тайси вместе с матрасом и аккуратно перенёс на свой диван. Тайси даже не шевельнулась во сне. Получилось, что она теперь оказалась головой к двери, но в тепле и без сквозняков. Подумав немного – спать ему, или ещё нет, Романов

расправил свой постельный рулон на её полке и тоже лёг головой к двери. Так первые минуты лежал напротив и смотрел в свете ночника, как она спит… лицо было безмятежно, ресницы спокойны, губки слегка сжались, словно Тайси хотела капризничать да было не с чего. Романов повернулся на спину. Отчего-то их отношения ему сейчас напомнили очень давнишнюю историю. История его лично никак не касалась, она была связана с сестрой его девушки. Сестра была на несколько лет старше и однажды, после гулянки пошла «в гости» к понравившемуся ей на этой гулянке парню. А утром они толпой ввалились к этому парню в квартиру, похмелялись шампанским, веселились, и Романов стал свидетелем такого разговора сестры и этого парня:

– Нет, – говорил очень достойным голосом парень, – я же обещал тебя не трогать, как ты просила, вот и не тронул… проспал всю ночь рядом как бревно.

Романов согласно кивнул, как будто согласился с таким мужским поступком и достойным мужеством человека, парень чуть отвлёкся на кого-то из других гостей, а сестра приблизилась к ним, и ему, и своей сестре тихо поведала:

– Так вот я и не поняла, и всю ночь мучилась – то ли дурак полный, то ли импотент законченный!

Пойми этих женщин потом! Чему верить, когда верить, при каких обстоятельствах?.. Какое слово верное и правильное? Что в словах скрывается? Многие любят лёгкое насилие… мерзавки, мазохистки. Вот у него однажды… А инте-

ресно, впервые задался вопросом Романов, а сколько у меня было баб… э-э… простите, девчонок?.. Ну да? А? Никогда не считал. Так. Первая была Ира… потом она меня до смерти отравила глазными каплями, кажется, сернокислый атропин? Точнее, до полусмерти, до клинической смерти, врачи реанимации вытащили с того света. Потом была ещё одна Ира, потом Таня, потом Вера, её сестра Люба… нет, Люба была через Марину, а за ней ещё и Люда… а за той уже Люба, дальше Рита, ещё Люба, Света, Оля, Маша, Таня, опять Ира, снова Марина, Гуля, Лена, Лена, и опять Лена, что-то в двадцать пять на Лен тянуло… А вот чего у него не было, так это двух девчонок вместе, сегодня первая, завтра вторая, потом опять первая, потом вторая, потом первая… Это что значит? А это значит, что нравственность он ещё не потерял, с чувством порядочности у него всё в порядке. Приятно ощущать себя высоконравственным мужчиной – девчонок была куча, а нравственность не потерял.

Тайси. Интересно, она не подумает о нём, что он – то ли дурак полный, то ли… не-ет! Он просто не даст ей никакой возможности так о нём судить! Он докажет на деле! Точно. На теплоходе разберёмся. Там каюты отдельные, там места больше, санузел рядом. Гигиену же соблюдать надо, правильно?

Стучали колёса, мелькали огни за окном, и быстротечные, встречные поезда, ревя гудками, проносились мимо, как крики в ночи. Поезд летел к Москве.

Утром они проснулись одновременно. Тайси удивлённо и неразумно поднялась на колени и оглядывалась вокруг, словно оказалась в купе впервые. Потом выглянула в окно и спросила:

– Мы, случаем, ночью не поехали в обратную сторону?

– Нет, – отрывисто сказал Виталий, – едем на юг, как и вчера.

– А как я здесь проснулась? – пришла та в себя, быстро оценила ситуацию и говорила уже голосом тургеневской девушки.

– Пришлось тебя перенести, – сказал небрежно Романов, – ветер дует, носом шмыгаешь.

– Неправда, – сказала Тайси уверенно, но без резкости, – я никогда не шмыгаю носом.

– Вот как? – остановился Виталий, – Похоже, придётся правду рассказать?

– Конечно, правду, – чуть ли не потребовала она.

– Ты, когда на левом боку спала, лбом о стенку стучалась, соседи приходили жаловались. Пришлось перенести.

Секунду Тайси смотрела на него удивлённо и подозрительно, потом потрогала свой лоб и спросила:

– А почему шишки нет?

– Может, лоб такой? – предположил тот.

– А почему прошлый раз не стучалась?

– Так ты прошлый раз пьяная была, – удивился Виталий. –

Упала и уснула мертвецким сном.

Она улыбнулась, схватила подушку и запустила в него. Витасик поймал и бросил подушку обратно, как это делают родители, не желая ругать расшалившихся детей.

Завтракать никто не пошёл. Пили чай, доедали у Юрия Петровича вчерашние пирожки и какую-то сырокопчёную колбасу. Андрей выглядел плохо, жевал зло и всё больше молчал. Юрий Петрович был весел и, казалось, похмелялся не вчера вечером, а сегодня, перед едой. Потом они с Андреем ушли курить, Тайси вытащила свой чемодан.

До Москвы оставалось несколько часов. Всё утро Тайси занималась своей внешностью – сидела напротив Витасика, забросив нога на ногу в своём бесстыдном халатике и два часа подпиливала свои ноготочки на руках, иногда сдувая с них образовавшуюся пыль на пол. Витасик делал вид, что читает книгу. Потом она битый час красила свои ноготочки на столе, нервничая, что вагон качает и попасть кисточкой на ноготь не всегда удаётся. Потом она их сушила разглядывая, похоже, не только на свет, но и на просвет. Потом весело и беззаботно сказала:

– Я готова!

Время было утреннее. Поезд мчался по новостройкам Подмосковья. Мимо окон уже пролетали не одинокие полустанки, а целые железнодорожные платформы с электричками возле них. Кто-то просился в туалет, на что властный го-

лос проводницы кричал:

– Не положено! Санитарная зона! Раньше надо было опорожняться! Не положено!

Тайси надоело смотреть на свои ухоженные пальчики рук, она поднялась, быстро бросила перед собой на полку одежду, сказала Виталию:

– Отвернись! Я переоденусь. В окно! В окно, милый!

Витасик вначале щёлкнул замком в двери, чтоб никто не ворвался случайно, потом отвернулся к окну. За спиной что-то шуршало, очень быстро она сказала: «Всё». Он вернулся обратно и увидел её уже в лёгком платье.

– В сущности, – сказал Витасик, – можно было и не переодеваться, – одно и то же. Уж лучше бы оставалась в той юбке… всё более строгая одежда.

– Что касается сущности, – ответила Тайси, – то в халате по Москве-столице я не собираюсь ходить. Закончилось наше безделье, сегодня садимся на теплоход и вперёд, Витасик! Работать, работать!

– Нас там ждут? – спросил он.

– Нет, – помотала она головой, – а кто нас должен ждать? Мы, как все остальные пассажиры, плывём по Волге-матушке, по дороге снимаем всё, что нам нужно. Капитан предупреждён и против не будет. Я к нему должна подойти и сказать, что мы прибыли на борт.

Виталий осмотрел внимательней платье Тайси и нашёл, что оно очень ей идёт. Платье ещё больше подчёркивало фи-

гуру девчонки, облегая как резиновое. Рукава платья были короткие, а верхняя часть спины была обнажена ровно настолько, насколько это было допустимо в дороге. Спрятав вагонные тапочки в чемодан, она достала ещё одни очаровательные босоножки-плетёнки, быстренько застегнула их, причесалась и, сев напротив Романова, забросила нога на ногу.

– Я тебе нравлюсь? – спросила она.

– Ноги только высоко не задирай, – ответил он.

– Осуждаешь или ревнуешь?

– Считаю это не особенно приличным.

– А я перед всеми не задираю, – ответила она, как будто что-то напомнила.

Виталий поймал себя на ночной мысли, что на теплоходе обстановка будет совсем иная, там будут отдельные каюты, санузлы с горячей водой… палубы, рестораны, бары и просто остановки в городах. А там лето, солнце, мужики поганые везде…

– Кстати, я заметила, – продолжила Тайси, – что все творческие люди очень ревнивы.

– Значит тебя тоже касается это чувство?

– Ну-у, – потянула она слегка поведя носом в сторону, – как сказать.

– Не было ещё такого человека? – иронично поинтересовался Романов, – чтоб заставил поревновать?

– А тебя это не касается! – чуть наклонилась она вперёд,

состроив ему прелестную мордашку.

Романов не стал спорить, цокнул языком демонстративно и заключил:

– Любишь ты, когда мужики с тебя глаз не сводят.

– Так это все любят, – удивилась она мило и очень искренне. – Не все в этом признаются.

Виталий промолчал, похоже, согласившись, а Тайси добавила:

– У нас в «художке», в училище, девочка была. В прошлом послушница, потом к мирянам вернулась… Вот она говорила: «У человека два предназначения: либо мир восхищать, большой да маленький, либо богу служить… больше ничего нет. А тот, кто говорит, что ему на всё окружающее наплевать… Витасик, он этим и хочет к себе внимание привлечь. Ты-то сам любишь женщинам нравиться?

– Мне не наплевать, конечно, – согласился с ней тот, – но я особенно не лезу в мир… со своими восхищениями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.